

Владимірь Станюковичъ

ПЕРЕЖИТОЕ

ВОСПОМИНАНІЯ ЗРИТЕЛЯ ВОЙНЫ

„Теперь могу сказать, любезнѣйшая матушка,
что глаза мои видѣли войну“.

*(Изъ неотфавленнаго письма,
найденнаго въ карманѣ убитаго).*

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія Слб. Т-ва Печатн. и Издат. дѣла „Трудъ“. Фонтанка, 86

1907

Книги того же автора:

**„ВИКТОРЪ ЭЛЬПИДИФОРОВИЧЪ БОРИСОВЪ-МУСА-
ТОВЪ“.**— Монографія. Спб. 1906 г.

„ПУТЕВОЙ АЛЬБОМЪ“.— (Печатается).

Вскорѣ настала весенняя оттепель; рѣки
вскрылись, и тѣла убитыхъ подъ Татищевой по-
плыли мимо крѣпостей.

Въ Озерной старая казачка каждый день
бродила надъ Яикомъ, клюкою пригребая къ бе-
регу плывущіе трупы и приговаривая: „Не ты
ли, мое дѣтище? Не ты ли, мой Степушка? Не
твои ли черны кудри свѣжа вода моетъ?“

И видя лицо незнакомое, тихо отталкивала
трупъ.

А. С. Пушкинъ (Исторія Пугачевского бунта).

И въ упоеніи и въ страхѣ
Мы, современники, слѣдимъ,
Какъ вьется кость, въ крови и прахѣ,
Чтобъ выпасть знакомъ роковымъ.

В. Брюсовъ.

Цѣпи жестоки. Навѣкъ
Къ мѣсту прикованы всѣ мы.
Гдѣ теперь радостный бѣгъ
Нами влекомой триремы?

В. Брюсовъ.

Тихо и мѣрно льется рѣка времени въ вѣчное море.
Безконечной вереницей плывутъ мимо насъ тѣла, качаемыя ея холодными водами.

Въ книгѣ своей я хотѣлъ передать пережитое на войнѣ, возникшей въ предразсвѣтной тѣмѣ холодной зимы.

Я хотѣлъ быть правдивымъ и искреннимъ въ своихъ воспоминаньяхъ, но знаю, что всѣ вообще *воспоминанья* страдаютъ обобщеніями и невольною ложью, искажающими лица и событія, а потому извиняюсь впередъ передъ читателемъ, если введу его невольно, но добросовѣстно въ заблужденіе.

Обобщенія не страшны — читателю легко избавиться отъ нихъ. Факты я провѣрилъ, насколько могъ, но есть изумительные феномены!

Я видѣлъ въ свѣтѣ костровъ гигантскую статую Будды у стѣнъ Каю-анъ. Но если я узнаю, что ее, изваянной изъ сѣраго камня, огромной и холодной не существуетъ, я не буду считать себя лжецомъ: *я ее видѣлъ!*

И если галлюцинація временами смѣняла видимую всѣми дѣйствительность—въ томъ виновата война, усталость, доходящая до потери сознанія.

Нѣкоторыя мѣста книги, написанныя въ Сухудяпу и Мукденѣ въ тѣ дни, когда кругомъ умирали и коса смерти въ своемъ широкомъ размахѣ добѣгала до стола, на которомъ я писалъ записки, я не измѣнялъ.

Въ ихъ непосредственности—отчетливѣй рисунокъ страшнаго лица войны.

Я не былъ участникомъ боя и его ощущенія мнѣ незнакомы, я не касаюсь ихъ.

Я смотрѣть не прямо въ глаза кроваваго лика войны—немного сбоку...

Жестоко лицо ея! Несчастны люди, *принужденные* глядѣть на него!

Радостна война съ кровнымъ врагомъ! Рука тянется схватить его за горло!..

Но тяжела, невыносима доля тѣхъ, кого *посылаютъ* на бой, цѣль котораго непонятна.

Слабые, подневольные, не охваченные силою подъема, идутъ покорные люди на бой...

Имъ ли жажда побѣды, когда въ убитомъ они видятъ не героя, а жертву?!..

Такова была война, о которой я говорю въ своей книгѣ.

Послѣднія страницы обвѣяны дыханіемъ *весны*... Она была! Голубая весна!! Кто зналъ, что она несла... голодъ!..

Плещутся волны рѣки и родина, склонившись надъ ними, въ каждомъ проплывающемъ трупѣ видить сына...

Страдаетъ!..

Но „вьется кость въ крови и прахѣ, чтобъ выпасть знакомъ роковымъ“.

24 Апрѣля 1907 г.

с. Орлино.

I.

Мобилизація.

Меня призвали неожиданно...

Не смотря на то, что война разгоралась и каждый день на Дальній Востокъ призывались новыя партіи запасныхъ,— я, по присущей человѣку привычкѣ думать о себѣ иначе, чѣмъ о другомъ, — въ глубинѣ души былъ убѣжденъ, что меня обойдетъ горькая чаша.

Помню, я говорилъ объ этомъ знакомымъ и они смотрѣли на возможность моего призыва, какъ на несчастье; на эту войну, какъ на преступленіе.

Гнетущія вѣсти приходили съ Востока, въ душѣ закипала ненависть къ врагу... но не къ тому, что льетъ родную кровь на далекихъ поляхъ чужой земли, а къ другому, давящему насъ съ перваго сознательнаго шага; къ врагу, превратившему насъ въ рабовъ, который теперь призывалъ насъ на „служеніе родинѣ“, ваявая къ нашему „сыновьему долгу“.

И шли наши войска кровью своею заливать преступныя ошибки. Нужно было славой побѣды закрыть преступления!

Не было широкой волны, поднимающей народныя массы. Каждый про себя скорбно считался со своею совѣстью... Шелъ, чувствуя себя несчастнымъ.

Предвѣстниками моего призыва были частыя письма по городской почтѣ съ рекламами военныхъ портныхъ, изготовлявшихъ все обмундированіе въ 24 часа.

Когда я показалъ пачку этихъ рекламъ моему пріятелю, онъ замѣтилъ, что, вѣроятно, военные портные знаютъ мобилизаціонные планы не хуже, чѣмъ тѣ власти, которыя распоряжаются мобилизаціей.

— „Это, братъ, настолько серьезно, сказалъ онъ, что я рекомендую тебѣ быть готовымъ!“

Его слова оправдались: 20 іюня 1904 года въ моей кухнѣ появился вѣстникъ войны въ видѣ околодочнаго, который, заикаясь отъ волненія, какъ бы боясь испугать, вручилъ мнѣ листъ картона, въ верху котораго было крупно напечатано: „Призывной листъ“.

Мой вѣстникъ войны былъ блѣденъ и взволнованъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что въ сосѣднемъ домѣ онъ только что вручилъ одному квартиранту такой же „документъ“ и тотъ не выдержалъ... упалъ въ обморокъ.

— „Бѣдный!..“ говорилъ мой вѣстникъ войны.

Изъ листа было ясно, что я призываюсь для пополненія штата полевыхъ подвижныхъ госпиталей, не приданныхъ къ дивизіямъ N корпуса.

Данно ужъ я покинуть военную службу, а потому все позабылъ и никакъ не могъ представить себѣ въ первыя минуты учрежденія, въ которомъ я долженъ служить на театрѣ военныхъ дѣйствій.

На слѣдующій день пошелъ къ воинскому начальнику. Въ пріемной была безтолковая и досадная толкотня. Никто не могъ получить справокъ. Отвѣты должностныхъ лицъ были сбивчивы и неопредѣленны: они не знали дѣла; не знали какъ взяться за него; безпомощно махали руками; безъ толку нервничали и сбивали насъ, призванныхъ съ „воли“ подъ эти казенные своды.

Попавъ въ первое военное учрежденіе, я въ первую же минуту испыталъ то ощущеніе хаоса, которое преслѣдовало меня потомъ въ теченіе долгихъ дней и мѣсяцевъ въ Маньчжуріи во время этой несчастной войны.

Канцелярія воинскаго начальника не знала гдѣ формируется та часть, въ которую я призывался. Мнѣ сказали только, что въ теченіе трехъ дней я долженъ окончить всѣ свои личныя дѣла и быть готовымъ ко всему и что обмун-

дированіе для меня можетъ быть изготовлено военнымъ портнымъ въ теченіе 24-хъ часовъ. Послѣднее сообщилъ дѣлопроизводитель воинскаго начальника, любезно вручивъ мнѣ одну изъ тѣхъ рекламъ, которыя когда-то такъ волновали меня, когда я получалъ ихъ по городской почтѣ.

Черезъ три дня я былъ одѣтъ въ военную форму. Тяжелое превращеніе!

Надѣвъ мундиръ, я съ печалью оглянулся на только что сброшенную штатскую кожу и, невольно, охватили меня воспоминанія о томъ полу-забытомъ времени, когда я, совсѣмъ молодымъ, носилъ такой же мундиръ.

Какъ тяготился я этимъ мундиромъ, какъ тяжело было жить въ немъ, съ какою радостью я сбросилъ его!..

И вотъ — опять мундиръ! На этотъ разъ онъ надѣвается спѣшно, чтобы идти далеко на войну.

Надѣвъ новую, блестящую кожу, я пошелъ искать свою часть. Первый человѣкъ, и человѣкъ военный, привѣтствовавшій мое преобразеніе, принадлежалъ къ тому же рангу, какъ и мой вѣстникъ войны — это былъ городской, усатый старый городской, стоявшій всегда противъ моего дома.

Онъ весело улыбнулся и полу-фамилиарно отдалъ мнѣ честь.

Послѣ двухъ или трехъ неудачныхъ посѣщеній штабовъ — я узналъ, гдѣ формируются не приданные къ дивизіямъ госпитали и, взявъ извозчика, поѣхалъ туда. Это было на самомъ краю города, въ длинныхъ казачьихъ казармахъ. Онѣ были пусты — полкъ находился въ лагерѣ и пустота и просторъ казарменныхъ помѣщеній производили жуткое впечатлѣніе.

Чувствовалось, что онѣ скоро наполнятся новыми людьми и этихъ невѣдомыхъ, грядущихъ гостей, которыхъ ждала пустая пасть казармы, было жалко.

Пройдя длинный корридоръ я нашелъ генерала, который вѣдалъ формированіемъ госпиталей. Онъ сидѣлъ въ большой, уютной комнатѣ, окруженный своимъ штабомъ. Общими усилиями писали приказъ. Генералъ диктовалъ текстъ, а его усиленно поправлялъ чиновникъ, ссылаясь на разныя разъясненія и дополненія. Съ изумительною ловкостью онъ из-

влекать эти „разъясненія“ изъ затрепанныхъ толстыхъ томовъ законовъ, которые темными горками лежали на столахъ, стульяхъ и подоконникахъ. Генераль слушался опытнаго чиновника и поправлялъ приказъ.

Какъ они были озабочены, чтобы мобилизація шла не такъ, какъ идетъ, а такъ, какъ „предусмотрѣлъ“ законодатель!

Въ этотъ же день я былъ представленъ главному врачу моего госпиталя и мнѣ было предложено каждый день приходить въ казармы, принимать людей, лошадей и имущество.

Начали прибывать люди. Каждый день ихъ выстраивали на плацу, крупными цифрами мѣломъ писали на груди каждаго номеръ части и рассылали по пустымъ казармамъ.

Корридоры и залы начали наполняться. Люди приходили изъ бѣдныхъ губерній тощіе, изморенные долгой работой и старье. Для военно-врачебныхъ заведеній, по мнѣнію законодателя, не нужны были молодая силы.

Нѣсколько разъ присутствовалъ я на тѣлесномъ осмотрѣ призываемыхъ. Врачъ пропускалъ всѣхъ, поверхностно осматривая, а изъ-за вереницы голыхъ спиць былъ слышенъ его ровный голосъ: „Годень! Годень! Годень!“

Какъ то я обратилъ его вниманіе на то, что многіе изъ принятыхъ неспособны перенести тяжесть службы на войнѣ, что они стары и больны.

Врачъ пожалъ плечами и отвѣтилъ, что онъ тутъ не при чемъ.

Не знаю чѣмъ онъ руководствовался—спеціальными ли циркулярами, или просто не хотѣлъ возбуждать дѣла! Знаю только, что около 15% набранныхъ въ мой госпиталь людей, были возвращены во время войны въ Россію, какъ страдающіе хроническими болѣзнями и неспособные къ несенію службы.

То-же самое происходило при приѣмѣ лошадей. Прибывали изъ уѣздовъ, отъ воинскихъ начальниковъ старья, заморенныя, разбитыя клячи съ органическими пороками и слабыя лошади, которыя, если не теперь — то черезъ нѣсколько времени должны безусловно превратиться въ инва-

лидовъ; но ветеринарный врачъ, пропуская мимо себя этихъ одровъ, твердилъ: „Годна! Годна! Годна!“

Словомъ все, что ни попадало по призывному листу на эту несчастную войну, оказывалось годнымъ, годнымъ, годнымъ!!!.

Наконецъ штатъ людей и лошадей былъ набранъ. Началось обмундированіе и обученіе. Но чему обучать?

Учить госпитальному дѣлу оказалось невозможнымъ—мы должны были двинуться въ Маньчжурію безъ обоза, безъ оборудованія госпиталя, такъ какъ все это ждало насъ въ Харбинѣ.

Мы должны были довести до Харбина людей, лошадей и медицинскія принадлежности, которыя въ запечатанныхъ ящикахъ, въ послѣдній день доставить намъ на вокзалъ.

Приказы о мобилизаціи писались ежедневно. Фабриковались они тѣмъ же способомъ и были искусственно пригнаны, чтобы показать, что законодатель не ошибся въ распредѣленіи по днямъ мобилизаціи извѣстныхъ работъ, что все идетъ гладко и такъ, какъ предусмотрѣнно священными циркулярами и законоположеніями.

Вскорѣ распространился слухъ, что насъ „будетъ смотрѣть“ одно высокопоставленное лицо. Начальство затрепетало—и вотъ нашихъ крючковатыхъ нестроевыхъ, набранныхъ для исполненія санитарныхъ обязанностей, начали обучать..... церемоніальному маршу.

Это было положительно забавно и при воспоминаніи объ этомъ меня охватываетъ неудержимый хохотъ!

Люди, никогда не служившіе въ пѣхотѣ, а по разнымъ артиллерійскимъ складамъ и нестроевымъ командамъ, не бывавшіе въ строю и совершенно къ нему неспособные и старые—теперь ежедневно въ теченіе трехъ или четырехъ часовъ обучались церемоніальному маршу и ружейнымъ приѣмамъ! (Ружья намъ дали для самообороны отъ хунхузовъ).

И вотъ—имѣя на лѣвой рукѣ красный крестъ и держа въ ней же винтовку мы, весело помахивая правой, парадировали передъ начальствомъ.

Сколько было мученій изъ за „равненія“!—Точно въ строевой ротѣ!

Это продолжалось долго—болѣе 2-хъ недѣль. Наконецъ, наступилъ день смотра. Старый, обрюзгшій генераль, привыкшій ко всевозможнымъ парадамъ, прошелъ по фронту вытянувшихся въ струнку госпиталей, поздоровался съ нами и не зналъ: что дѣлать съ полевыми подвижными госпиталями безъ больныхъ и обозовъ?

Начальство, конечно, выручило и заявило, что будетъ устроено прохожденіе церемоніальнымъ маршемъ.

— „Да развѣ они это умѣютъ“? спросилъ генераль.

— „Такъ точно Ваше...“!

И мы прошли передъ нимъ церемоніальнымъ маршемъ и услышали его „спасибо“!

Послѣ передъ нимъ проводили лошадей и онъ, признанный знатокъ лошадей, видя этихъ одровъ, ничего не сказалъ. Очевидно для госпиталя лучшихъ лошадей давать не слѣдуетъ.

По традиціи пошли на кухню. Тамъ стоялъ поваръ въ сшитыхъ специально для этого дня колпакѣ, блузѣ и фартукѣ. Бѣлый парадный поварской костюмъ былъ туго накрахмаленъ. Онъ неуклюже топорщился на огромномъ солдатѣ и былъ дѣвственно чистъ. Кухня блестяла. Генераль почему-то спросилъ повара:

„Ты который день въ этомъ фартукѣ“?

„Третій день, Ваше...“! отвѣтилъ поваръ.

Почему онъ отвѣтилъ: „третій день!“, такъ и осталось для меня тайной.

Поблагодаривъ формировавшихъ госпитали, особа уѣхала. Нашъ генераль выразилъ намъ свою глубочайшую признательность и, окончивъ этотъ „церемоніальный маршъ“, мы спокойно разошлись по домамъ.

Начались дни ничего не дѣланья. Отъѣздъ откладывался еще на двѣ недѣли. Люди стали проситься домой, повидаться *последній* разъ со своими, и мы пользовались всѣми законными и не законными способами, чтобы исполнить ихъ просьбы, дать имъ возможность еще разъ повидать родину.

Порой приходили въ казармы земляки — люди напивались.

Одна сердобольная жена пріѣхала къ мужу, да такъ и прожила до нашего ухода въ казармѣ со своею дѣвочкою.

Это было глубоко понятно и никто не смѣялся.

Люди сближались; изъ ихъ массы начали выдѣляться отдѣльныя, рѣзко очерченныя личности. Я началъ разбираться въ группѣ людей, надъ которыми, волею судебъ, сталъ начальникомъ.

II.

Дорога.

Насталъ послѣдній день.

Выступили на вокзалъ. Впереди двигалась вереница лошадей, за ними мы, окруженные пестрой толпой родственниковъ и знакомыхъ.

На глазахъ—слезы.

У длинной платформы—товарный поѣздъ; въ него мы должны вмѣстить людей и лошадей. Лошади не хотятъ входить въ вагоны, ихъ вводятъ силой, съ хлыстомъ. Онѣ бьютъ копытами по платформѣ, упираются, встаютъ на дыбы...

Наконецъ размѣстили. Началась вакханалія! Люди пьяны: родственники, знакомые и посторонние печальники четвертями суютъ въ вагоны водку.

Солдаты напились, охмѣлѣли, шатаются, кричатъ, горланять пѣсни. Вздвигается ревъ бабъ, неистовый ревъ русскихъ бабъ!

Когда-то въ Курской губерніи я видѣлъ отправленіе переселенческаго поѣзда. Тамъ тоже все было пьяно и отъ станціи далеко по полю неся тотъ-же протяжный, пудный женскій вой—этотъ ужасъ разлуки!

Тамъ это было такъ понятно: съ корнями вырывались человѣческія жизни изъ родныхъ деревень, выскораживались острыми зубьями жестокой бороны—пужды, и брели невѣдомо куда удачи... удачи искать!..

И вотъ—отправленіе на войну. Гдѣ-же подъемъ? Что либо свѣтлое?—Ничего!..

Ни удали, ни силы...

Ничего—кромѣ тоски, сознанія, что уходишь... Въ пьяныхъ выкрикахъ нѣтъ замаховъ мощи—пьяная боль.

„И вотъ я пляшу!“ кричалъ пьяный долговязый солдатъ, топая ногами по платформѣ, „и вотъ я пляшу! и вотъ я пляшу—и больше ничего!“

Въ серединѣ поѣзда—вагонъ 2-го класса, въ немъ поѣдутъ врачи, священники и офицеры. Возлѣ него голпа женщинъ и мужчинъ, провожающая родныхъ, мужей и знакомыхъ. У всѣхъ заплаканныя лица.

Нѣтъ подъема: благословенія, слезы.

Раздался второй звонокъ, и человѣческій вой превратился въ стихію. Стоялъ такой невообразимый, чисто животный крикъ, что, казалось, крыша навѣса надъ нами не выдержитъ, лопнетъ.

Онъ поднимался и въ этой бурѣ отчаянья раздались три послѣдніе роковые удара.

Когда тронулся поѣздъ я оторвалъ какую-то женщину. Она висѣла на рукахъ своего мужа. Онъ стоялъ въ товарномъ вагонѣ у выхода, загороженного доскою. Перегнувшись черезъ эту доску, онъ держалъ жену подъ мышки, а она, прильнувъ къ его губамъ и обнявъ его голову—повисла и плыла вмѣстѣ съ поѣздомъ. И оторвалъ ее и когда разомкнулись ихъ губы—изъ ея устъ вырвался невыносимый крикъ....

Она кричала ему внутрь о своемъ горѣ...

Оторвались... Поѣхали...

Мы двигались на востокъ, а солнце вставало каждый день раньше и раньше.

Казалось—каждый изъ насъ быстро движется къ тому дню, когда на горизонтѣ его жизни выплывутъ міриады солнцъ и сожгутъ дыханіе, какъ жертву невѣдомой зарѣ.

Съ той минуты какъ мы сѣли въ вагонъ и двинулись по двумъ стальнымъ полосамъ, мы прикрѣпились къ двигающейся массѣ, идущей неуклонно впередъ, къ концу стальныхъ полосъ, тонущему въ крови. Сойдти съ полосъ

нелзя! — Неуклонное движеніе было неизбежно для насъ какъ время, какъ жизнь, какъ смерть...

Первые дни стояли пьяные крики. Проѣзжая мимо станцій, солдаты пьяно кричали „ура“. Трезвые были сосредоточены. Каждый настораживался; въ глазахъ другъ у друга мы замѣчали неувѣренность; таили что-то, замыкались, храня про себя свои думы. А думы были тяжелыя; нами владѣли воспоминанія, а впереди каждый чувствовалъ зіяющую пустоту...

Тяжело лишаться надеждъ...

Мы ѣхали по полямъ, лѣсамъ, перелѣскамъ.

Стояла осень. Жатва была убрана. Деревья, прощаясь, печально шелестѣли своими золотыми нарядами.

Высоко надъ нами родное небо дышало осеннею дремою, словно усталое.

Знакомыя мѣста. Какъ близки эти равнины, перелѣски! Такъ часто проѣзжали мы мимо и не знали, что они такія родныя, милыя... и какъ онѣ теперь грустны! Какъ нѣжно прощаются съ нами!..

Вотъ пересѣкли Оку; вотъ ровной полосой блеснула подъ нами Волга. Пошли тихія заволжскія степи, идущія къ далекому, уже чужому Уралу.

Навстрѣчу изрѣдка попадались поѣзда съ больными и ранеными.

Ихъ умышленно не задерживали на тѣхъ станціяхъ, гдѣ мы останавливались, чтобы не смущать насъ. Но каждый разъ, когда встрѣчался такой поѣздъ, солдаты нашихъ госпиталей кидались къ нему, томимые жаждой заглянуть... словно въ будущее.

Изъ оконъ высовывались, раненые и начинался лихорадочно быстрый обмѣвъ. Раненные говорили самоувѣренно покорно, въ ихъ словахъ звучала тайная гордость страданія.

Они узнали что-то... узнали серьезное, большое, важное...

И въ глазахъ у многихъ здоровыхъ блестяла нескрываемая зависть къ этимъ калѣкамъ, исполнившимъ свой долгъ и возвращавшимся на родину.

Вотъ и красивый, туманный Ураль. Утромъ промелькнулъ мимо насъ столбъ, стоящій на границѣ Европы и Азии.

„Теперь мы въ Азіі!“ говорили мы въ этотъ день.
„Теперь мы въ Азіі!“

Поѣздъ сталъ тихимъ; пьяныхъ болѣе не было,—только въ одномъ вагонѣ какой-то солдатикъ лихо наигрывалъ на гармоникѣ цѣлыми днями, а ему печально вторила скрипка („Будто,—баба“ говорили солдаты).

Снова степи—онѣ незамѣтно перейдутъ въ тайгу.

Однажды поѣздъ остановился на глухомъ степномъ развѣздѣ. Подъ откосомъ насыпи, возлѣ сѣрой кучи, накрытой рогожей, маячилъ солдатикъ. Спустилось къ нему нѣсколько человѣкъ нашихъ, а черезъ пять минутъ весь поѣздъ толпился возлѣ сѣрой кучи, покрытой рогожей. Съ жаднымъ любопытствомъ и робко поднимали люди рогожный пологъ, засматривали подъ него.

Тамъ лежалъ самоубійца — онъ кинулся на кауунѣ подъ поѣздъ.

— „Грустный все время ѣхалъ,“ говорилъ его товарищъ и сторожъ, „не хочу!“ говоритъ, а потомъ взялъ и порѣшилъ“.

Паровозъ свистнулъ.—Все кинулись по мѣстамъ. Стало тихо, а поѣздъ не трогался.

Черная кошка пробѣжала отъ паровоза вдоль длинной вереницы вагоновъ и скрылась въ вечернующемъ полѣ.

И въ этотъ вечеръ въ нашей движущейся семьѣ стояла зловѣщая тишина. Все молчали, гармоника играла тише.

И въ нашемъ вагонѣ стояла тоска. За ужиномъ появилась водка и ее пили много и долго, и легли спать поздно молчаливые и унылые.

Словно несчастный трупъ подъ откосомъ насыпи объяснилъ намъ, на какое страшное дѣло идемъ мы: словно героизмъ неизвѣстнаго, смѣло положившаго свою голову на стальную полосу, подъ колеса поѣзда, неуклонно везущаго его на войну, объяснилъ намъ отчаянье нашего положенія, пришибленность нашей воли, наше несчастье.

Началась тайга, сначала низкая, потомъ все выше и глуше. Порубленная, поломанная возлѣ полотна желѣзной дороги—она не производила впечатлѣнія величія, и мы поняли ея могущество и красоту тогда, когда нѣсколько дней ѣхали по ея безмолвнымъ дебрямъ.

Тайга была золотая—осенняя. Въ золото лиственныхъ породъ были вкраплены зеленые конусы хвой.

Подъехали до Инокентьевской. Много войскъ, толкотня. Стоять полки, батареи. Спѣшно грузятся.

Пока подавали другой поѣздъ, мы наблюдали какъ напряжалась въ походъ горная батарея, которая должна была для практики совершить переходъ по горамъ, вокругъ Байкала.

Это была вновь сформированная батарея: и люди, и лошади не были обучены.

Степные кови, не привыкшіе носить тяжести на спинѣ, сбрасывали тяжелые артиллерійскіе вьюки, вырывались, безумно носились по площади и полотну, спотыкаясь объ рельсы. Люди путались, не зная укладки; въ воздухѣ стояла крѣпкая начальственная ругань. Царилъ изумительный хаосъ.

Быстро несутся навстрѣчу кристальныя быстрыя воды Ангары.

Невиданно-чистыя воды! Неоскверенныя, словно только рожденныя стихійными силами—блещущія, повныя!..

Онѣ мчатся изъ загадочнаго озера, о которомъ давно, еще въ дѣтствѣ слышали мы, какъ о сказкѣ. Мы скоро увидимъ его!

Быстро—навстрѣчу теченію, по карнизамъ каменнаго ложа потока, двигались мы къ Байкалу. День погасъ и когда настала глубокая ночь, мы подъѣхали!..

Темно и холодно. Дулъ вѣтеръ, качая фонари надъ темною водою.

Обрывы кругомъ. Справа въ темнотѣ, словно созданная изъ окаменѣлыхъ мраковъ, поднималась черная громада утеса. Чело его украшено соснами; вѣтеръ свистѣлъ въ нихъ.

Мы разбѣгли лошадей на верхней палубѣ. Въ черную пасть ледокола вкатился поѣздъ, и въ третьемъ часу безшумно двинулась громада, неся насъ по Священному Морю.

Вѣтеръ стихъ. Вставало гдѣ-то солнце. Но холодное море, залегши въ провалахъ скалъ, неохотно разставалось съ туманами. Они плотно окутали море, дымились надъ его хрустальными пропастями. И лучи далекаго солнца, вонзаясь въ туманы, гасли въ ихъ толщѣ.

Но поднималось все выше и выше свѣтило, смѣлѣе, не-отражимо вонзало лучи, и темные клубы мрака сдѣлались свинцовыми, начали бѣлѣть... Задвигались заволокли, за-клубились...

Мы плыли въ ихъ бѣломъ кругѣ—въ немъ плескались свинцовыя волны, металась бѣлая чайка, кричала... Кругъ ста-повится все шире. И въ вышинѣ зажглись опаловыя облака.

— „Вонъ берегъ“—говорить матросъ.

Мы видимъ тучу. Низъ темень: бѣгутъ облака, дымясь, сворачиваясь, а верхніе изгибы неподвижны... то вершины горъ, покрытыя снѣгомъ! Онѣ побѣдно встаютъ изъ сумра-ковъ, озаренныя, дикія... Осіянные! Онѣ увидѣли солнце...

И когда растаяли туманы — передъ нами открылась ши-рокая гладь Байкала, залегшая въ цѣпяхъ суровыхъ камен-ныхъ скалъ. Холодно плескались прозрачныя волны о борты исполина ледокола. Пустыненъ былъ просторъ Священнаго Моря, не омраченный жизнью. Ивольный вѣтеръ, холодный и влажный отъ тумановъ, обвѣвалъ насъ суровымъ дыхані-емъ водной пустыни.

Въ этой мрачной, нахмуренной дремѣ могучаго вели-капа была невиданная красота жестокости и дикой силы.

Неумолимая! Непобѣдимая!! Она чаровала насъ.

И глядя впередъ—на озаренныя солнцемъ дикія снѣж-ныя вершины горъ, къ которымъ мы плыли... я вспо-миналъ...

„Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимыя наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средъ волненья
Ихъ обрѣтать и вѣдать могъ.“

Переѣхавъ Байкаль, мы переступили таинственную грань и часто потомъ, въ Маньчжуріи, думая о далекой родинѣ, мы вспоминали, что она „за Байкаломъ...“

Медленно и долго ѣхали мы по красивымъ, извили-стымъ, пустыннымъ долинамъ Забайкалья, мимо чуждыхъ намъ рѣкъ и озеръ; мимо горъ, покрытыхъ суровыми хвоями; по унылымъ равнинамъ бурить.

Изрѣдка начали попадаться китайцы съ длинными ко-сами, узкими глазами, въ смѣшномъ одѣяньи, смѣшныхъ сапогахъ. Мы съ любопытствомъ обступали ихъ, разспрашивали, оглядывали, прислушивались къ говору.

Наконецъ прѣѣхали къ границѣ, перемѣнили поѣздъ и двинулись дальше. Мѣста измѣнились; мы двигались по пустыннымъ равнинамъ сѣвернаго Китая, не населеннымъ, глухимъ и печальнымъ.

Всюду по дорогѣ и у мостовъ—часовые. Сторожевыя будки обнесены стѣнами съ бойницами, возлѣ нихъ стоятъ сигнальные столбы, обмотанные соломой; мосты укрѣплены окопами, ограждены проволочными стѣями и волчьими ямами.

Мы получили приказаніе охранять нашъ поѣздъ отъ возможныхъ нападеній хунхузовъ. Каждый день назначалась дежурная часть; по почамъ ставились часовые, которые на ходу стояли на тормозахъ, а на остановкахъ поѣзда цѣлую обходили его.

Кругомъ стояла тишина пустыни и намъ, людямъ печально идущимъ на бой, казались страшными эти жестокия приготвленія. Чувствовалась опасность. Но гдѣ она..?

Кругомъ тихое поле, оно безмолвно на много верстъ, а въ него неуспѣшно устремлены глаза часовыхъ, борода-тыхъ, старыхъ сибиряковъ, призванныхъ охранять безконечную дорогу.

Подѣѣхали къ первому китайскому городу. Наняли извозчика, чтобы осмотрѣть его. Вотъ старый китайскій храмъ—съ вычурными воротами, колокольнями, съ широкими лопатами поднятыхъ крышъ.

Храмъ опустошенъ. Возлѣ него валяются головы боговъ, куски ихъ разодранныхъ тѣлъ—и только стѣнные фрески и мелкіе золотые, цвѣтные узоры карнизовъ и потолка спокойно говорятъ о быломъ величій оскверненнаго святилища.

Городъ обнесенъ глиняною стѣною съ бойницами. Тѣсно жмутся другъ къ другу бѣдныя фанзы. Населенія нѣтъ—бѣжало. Остались мелкіе купцы, они перенесли свои лавочки къ желѣзной дорогѣ и бойко торгуютъ.

Плоскій бѣдный городъ на плоской равнинѣ не поразилъ

насъ, по поняли мы, что находимся въ чуждомъ, непонятномъ намъ мірѣ, сильномъ своею жизнью.

Объ этомъ говорилъ и оскверненный храмъ и прочныя постройки старыхъ покинутыхъ фанъ, въ которыхъ все было—свое.

„Они убѣжали туда—думалъ я, глядя въ пустынную равнину, по они вернутся“.

Вотъ встали дикіе холмы Хингана. Медленно, широко поднимаются они, становятся все выше и выше. Мы проходимъ тунелями, проносимся по мостамъ надъ промоинами горныхъ рѣчекъ. Вотъ котловина, гдѣ желѣзная дорога—чудовище влекущее насъ къ темнымъ цѣлямъ—свилось петлею. Ее стерегутъ огромные пустые, скучные холмы; между ними рвется вѣтеръ, вадимая въ ущельяхъ пыль, вертя ее столбами, унося въ пустынный просторъ.

И снова идутъ равнины.

Край горизонта зардѣлся заревомъ—и чѣмъ дольше двигались мы по равнинѣ, тѣмъ большая, часть неба подергивалась недужнымъ свѣтомъ далекаго пожара.

Днемъ дулъ вѣтеръ съ востока; душно было, пахло дымомъ, степныя дали заволкло пепельнымъ туманомъ.

Вечеромъ вѣхали въ полосу дыма и огня. Мы двигались по долинкамъ рѣки; тамъ и сямъ по обширнымъ заводамъ горѣли камыши.

Темно было.—Громадные костры ярко и жадно разгорались вокругъ насъ; грозно треща, они жрали густые лѣса камышей—и мы ѣхали ночью, окруженные огнемъ, днемъ душнымъ дымомъ.

Помню, — когда мы издали увидѣли отсвѣты пожаровъ, у насъ сжались сердца.

Эти громады заревъ своими тревожными неспо-грозными свѣтами освѣщали глубины нашихъ душъ, полныхъ отчаяньемъ. И глядя на кровавое небо, мы чувствовали какъ внутри все дрожало и пыло.

Когда же поѣздъ вѣхалъ въ полосу огня и дыма — на душѣ стало спокойно.

Дня черезъ два утромъ мы пересѣкли Сунгари и прѣхали въ Харбинъ.

III.

Харбинь.

Отлично помню первый день въ Харбинѣ.

За нѣсколько дней до прїѣзда мы дали телеграмму формирующему госпитали о днѣ прихода нашего поѣзда, и тотчасъ по прїѣздѣ, отправились въ штабъ.

Потолкавшись по разнымъ отдѣламъ, мы нашли нужнаго намъ полковника и представились ему.

Онъ былъ крайнѣ изумленъ.

Оказывается, что у него было все нужное для госпиталей, кромѣ врачей, и онъ недоумѣвалъ: зачѣмъ насъ послали?

Показали ему приказъ по округу, въ которомъ мы формировались въ Россіи и онъ, поневолѣ, долженъ былъ признать существованіе нашего госпиталя, какъ учрежденія.

Телеграмму, которую мы послали съ дороги, полковникъ не получалъ.

— „Что-жъ“, сказалъ онъ въ концѣ концовъ—„разъ ужъ прїѣхали такъ располагайтесь“.

— „А гдѣ же?“ спросили мы.

— „А вотъ за городомъ есть кладбище, а за кладбищемъ—поле. Тамъ много мѣста: есть гдѣ расположиться! А завтра приходите сюда, подумаемъ“.

Желѣзная дорога требовала немедленнаго освобожденія поѣзда—и мы стали разгружаться. Чтобы перевести наше медицинское имущество на бивуакъ, намъ дали двѣ пустыя повозки.

Пошли въ поле выбирать мѣсто для бивуака, а одинъ изъ врачей поѣхалъ въ городъ искать комнату для насъ.

Шелъ дождь; дулъ вѣтеръ. Топкая маньчжурская земля превратилась въ вязкую, глубокую грязь.

Въ грязной, истоптанной степи, за городомъ, на склонѣ пологого холма мы нашли рядъ ямъ отъ прежнихъ палатокъ. Ихъ вырыли невѣдомыя части, ушедшія впередъ. Ямы были наполовину наполнены водою.

Шутя, искали: гдѣ посуше?—но всюду было грязное, топкое поле, а надъ нимъ безнадежно низко нависло небо и лило мелкій дождь.

Перетаскивъ ящики медицинского имущества и разбивъ коновязь, начали натягивать надъ ямами холсты палатокъ, лопатами выбрасывать изъ ямъ воду и грязь.

Въ это время вѣтеръ перемѣнился, пошла крупа, незамѣтно перешедшая въ снѣгъ. Онъ шелъ все сильнѣе, вѣтеръ раздувалъ его бѣлыя нити, и къ вечеру завывла жестокая снѣжная буря.

А мы сидѣли по колѣна въ грязи въ ямахъ. Надъ нами былъ натянутъ замерзшій холстъ, въ палатки задувало снѣгомъ. Люди завывли.

Не изъ чего развести костеръ!

Пошли искать. Набрили на огонекъ. Возлѣ него грѣлись товарищи,—пришедшіе на два дня раньше. Они тоже сидѣли въ ямахъ; надъ ними также были раскинуты холщевыя крыши палатокъ; они также стучали зубами. Зато они имѣли огромное преимущество—у нихъ были дрова. Посрединѣ ихъ холоднаго бивуака горѣлъ костеръ, возлѣ него пытались грѣться, но это было трудно. Мятель стлала пламя по землѣ, вытягивала его, осыпая искрами, не давая тепла. Они дали намъ дровъ и, радуясь мерзлымъ полѣньямъ, мы вернулись въ свои холодныя ямы.

Какой-то солдатикъ въ поискахъ тепла—набрѣлъ въ мятели на стогъ сѣна. Кому онъ принадлежалъ—неизвѣстно. Охраны не было.—И вотъ мои люди начали бѣгать къ стогу, выдирали изъ него охапки сѣна и тащили въ свои ямы.

Дрова и сѣно кидали посрединѣ палатки и зажигали.

Сидѣли въ этомъ дыму, копоти и угарѣ, захлебываясь отъ удушья... отогрѣваясь.

— „Что-жъ:—на войнѣ“, говорили люди. И находились шутки!

Снѣжная вьюга прекратилась. Начало сильно морозить. Я вышелъ изъ палатки.

Стояла темная, морозная почь. Тихо кругомъ, лошади фыркаютъ въ темнотѣ у коновязи. Палатки, словно фонарики, свѣтятся. Подъ прозрачными холстами ходитъ волнующееся пламя. Ихъ немного, моихъ палатокъ, всего восемь. — Въ каждую набилось человѣкъ по 12 и лежатъ, свернувшись сѣрой змѣею въ грязи вокругъ костра, задыхаясь отъ дыма.

Какъ фонарики свѣтятся палатки! А темное небо надъ ними непроницаемо темно. Тихо. Вдали кричатъ паровозы; во мракѣ стоятъ столбы свѣта отъ электрическихъ фонарей вокзала.

Эта ночь не прошла даромъ—нѣсколько человѣкъ заболѣло.

На слѣдующій день снова пошли въ штабъ.

О нашемъ прибытіи полковникъ сообщилъ главнокомандующему и ждалъ распоряженій. Разгорался бой на Шахѣ, — очевидно было, что сидѣть въ Харбинѣ придется долго.

Начали просить, чтобы намъ дали средства приспособить палатки для жилья или устроить землянки. Отказали—такихъ средствъ не имѣется.

Что дѣлать?!

Разбили мы коновязь подъ уклономъ холма и начали понемногу устраиваться.

На крайнѣ города возводилось много построекъ и палатки стали постепенно замѣняться землянками. Люди бродили по городу, собирали доски и жерди, иной разъ отрывали ихъ отъ забора или воровали со двора, и тащили въ свои ямы, углубляли ихъ, строили крыши, обсыпали ихъ землею. Получались просторныя землянки. Потомъ появились печи, входныя двери, а у болѣе затѣйливыхъ строителей даже окна.

Наконецъ была получена телеграмма двинуть насъ немедленно въ Мукденъ.

„Сейчасъ-же принимайте имущество“!

Но это было не такъ-то легко. Никто не зналъ гдѣ находилось имущество. Сначала насъ послали въ интендантскіе склады у Сунгари.

Поѣхали. Нашли полковника, управляющаго складами. Онъ жилъ въ маленькомъ домикѣ среди громадной площади, заваленной всевозможными запасами.

— „Да что вы! Да что вы!! Вы совсѣмъ не туда попали—никакого вашего имущества у меня нѣтъ! Путаютъ эти штабы чтобъ имъ пусто было! Идите-ка на 4-ую версту—тамъ все узнаете“!

Вернулись въ штабъ, доложили, что нѣтъ имущества. Полковникъ пожалъ плечами и тоже посовѣтовалъ намъ съѣздить на 4-ую версту.

Поѣхали. Нашли чиновника, завѣдующаго выдачей имущества.

— „Кое что есть“ сказалъ онъ.

Начался пріемъ.

Трудно представить себѣ грандіозность складовъ тыла арміи: это городъ сараевъ, занятыхъ огромными тюками; это десятки повозокъ всевозможныхъ сортовъ; это длинные ряды стоговъ, это горы кушей, круговъ бобовыхъ жмыховъ, безконечные шеренги полевыхъ хлѣбопекаренъ.

Трудно разобратъ въ хаосъ. Масса людей было занята сортировкой имущества, по какой нибудь тюкъ съ шишками для шатровъ приходилось искать цѣлыми днями. Помню—мы никакъ не могли найти въ массѣ тюковъ походной кузницы и какой-то принадлежности упряжи. На розыски ихъ было потрачено три или четыре дня.

Получивъ всѣ вещи изъ интендантскихъ складовъ 4-ой версты, мы поѣхали снова къ Сунгари.

Полковникъ, по словамъ деньщика, былъ очень занятъ. Дѣлать нечего—надо тревожить его: спѣшно! И мы вошли въ его компану.

Онъ сидѣлъ къ намъ спиною и былъ дѣйствительно занятъ... раскладываніемъ пассіанса.

Онъ неистово ругалъ штабъ и интендантство, убѣждалъ насъ, что никто ничего не дѣлаетъ, что всю работу свалили на него и сидятъ на его шеѣ, что никакого имущества для насъ у него нѣтъ.

Успокоился только тогда, когда прѣхавшій съ нами чиновникъ указалъ ему, что тѣ повозки, чьи дышла висятъ надъ окномъ, у котораго онъ раскладываетъ пассіансы—предназначенные именно для насъ.

„Берите, берите пожалуйста“ обрадовался полковникъ— „по крайнѣй мѣрѣ хоть мѣсто освободите, а то и свѣта божьяго изъ за нихъ не видать! Ишь—рагоза!“ указалъ онъ на дышла.

Мы запрыгали эти повозки и повлекли ихъ, отъ оконъ полковника къ себѣ въ поле.

Грандіозна была въ это время столица войны—Харбинъ. Громадный пологій холмъ центральнаго города, правильно распланированный широкими улицами, застроенъ однообразными домами, сооруженными очевидно по проекту одного лица и лица чиновнаго. Весь „новый городъ“ построенъ на казенныя деньги для казенныхъ людей. Для рядоваго чиновника избралъ особый типъ маленькаго каменнаго дома подъ черепичной крышей. Такихъ домовъ много, они однообразно тянутся по прямымъ улицамъ. Но по мѣрѣ того, какъ лицо двигается впередъ по службѣ, оживляется и архитектура. Чѣмъ выше лицо, тѣмъ больше, выше, красивѣе домъ, а тѣ, счастливыя, чьи способности и геній нашли достойную оцѣнку—живутъ въ прелестныхъ, веселенькихъ домикахъ, богато украшенныхъ архитектурою съ башнями, цвѣтниками, террасами.

Вотъ она гдѣ колонизація края!—Очевидно здѣсь устранились прочно, и надолго. Думали благоденствовать въ домикахъ съ башнями!

Въ „Новомъ Харбинѣ“ нѣтъ частныхъ домовъ, только на самомъ краю его пріютилось нѣсколько кварталовъ мѣстныхъ кушцовъ, поставляющихъ чиновникамъ предметы необходимости и роскоши.

Въ центрѣ города висятъ грандіозныя зданія управления Китайской Восточной желѣзной дороги. Сооруженія

милліонныя, въ стилѣ модернъ. Они не были окончены къ войнѣ и теперь ихъ спѣшно заняли разные штабы, а нѣкоторые зданія приспособлялись подъ фешенебельные госпитали, пріѣхавшіе подъ иностраннымъ флагомъ или находящіеся подъ сильнымъ покровительствомъ двора.

Для непонятныхъ цѣлей, вокругъ этихъ зданій строилась широко задуманная каменная ограда. Рыли ямы для фундаментовъ, возили кирпичъ и известь для этого, столь нужнаго именно теперь, сооруженія.

По другую сторону полотна желѣзной дороги—„Пристань“. Это базаръ, наполовину русскій, наполовину китайскій, построенный на трудно проходимой трясинѣ. Толпы солдатъ, офицеровъ сновали по улицамъ, шумѣли въ кабакахъ и притонахъ. Здѣсь продавалось все: пищевые продукты, матеріи, разные жизненные припасы, удовольствія, деготь, желѣзо, женщины, вино и совѣсть.

Все находило спросъ и предложеніе, и въ движущейся толпѣ мелькали головокружильныя шляпки красавицъ войны и черкески продавцовъ - кавказцевъ — паразитовъ обильнаго золотомъ тыла.

Въ пяти верстахъ отъ новаго города раскинулся „Старый Харбинъ“—бывшая крѣпость, подъ стѣнами которой лилась когда-то кровь во время боксерскаго движенія. Теперь — это поселокъ пограничной стражи; тамъ размѣщены госпитали; работаютъ сухарные заводы. Отъ Стараго Харбина—длинною полосою къ Новому протянулся только что выросшій городъ госпиталей. Ихъ бараки тянутся верстами, наводи ужасъ на поѣзжаго.

Всѣ эти части слились въ одинъ гигантскій городъ, къ нему примкнули площади интендантскихъ складовъ со своими скирдами хлѣбовъ и товаровъ, дымящимися рядами полевыхъ хлѣбопекаренъ,—и все дышало войной и для войны.

Чувствовалось, что громада живетъ полною жизнью, захлебывается *этим* минутами, что этотъ городъ случайный, что всѣ люди въ немъ также случайны.

Кончится кровоцролитіе и все замретъ: городъ развалится; закроются вертепы, магазины: опустѣютъ улицы—настанетъ тишина.

Нашъ бивуакъ былъ расположенъ въ степи на уклонѣ холма за новымъ городомъ, а врачи нашли себѣ комнату въ пяти верстахъ, въ Старомъ Харбинѣ. Ежедневно верхами ѣздили мы къ себѣ на бивуакъ, проводили тамъ цѣлый день, и только вечеромъ возвращались въ свою комнату.

Томительно было харбинское сидѣнье. Цѣлые дни проводили мы въ своей канцеляріи. Она помѣщалась въ палаткѣ. Стояли морозы; люди попрятались въ землянки, неохотно выходили на морозъ. Подъ уклономъ, на длинной коновязи покорно стояли лошади; подъ горкой въ ямѣ кипѣли котлы съ обѣдомъ и водою. Дальше — плоская холодная степь, и надъ нею тихое небо. Вѣтеръ трепалъ холсты нашей палатки—канцеляріи. Писать было трудно,—руки мерзли.

Недалеко отъ насъ было кладбище и каждый день, нѣсколько разъ къ намъ доносились разорванные вѣтромъ обрывки похоронныхъ маршей.

„Хоронять офицера“ говорили мы сначала.

Потомъ надоѣло.

Принимая вещи на 4-ой верстѣ, мы ежедневно проѣзжали мимо артиллерійскаго склада. На чисто выметенной площадкѣ, охраняемая часовыми стояли, протянувъ въ чистое поле длинныя дула, батареи осадныхъ орудій. Тамъ, куда были устремлены безжизненные черныя зрачки—жерла чувствительныхъ убійцъ—было тихо...

Скоро они начнутъ свою работу.

И въ моихъ воспоминаніяхъ о Харбинѣ... неизмѣнно...

Трепещетъ и хлопаетъ холсты палатки... Холодно... Надо писать, а руки мерзнуть... И по холоду, сквозь хлопанье палатки, вмѣстѣ съ мигающимъ блѣднымъ свѣтомъ, просачивающимся черезъ ея холсты, несутся обрывки похоронныхъ маршей... Хоронять убитаго... Опять хлопанье палатки; руки мерзнуть... Хоронять убитаго... Другого!—Ихъ много будетъ: на всѣхъ устремлены черныя зрачки холодныхъ орудій — тамъ, на выметенной площадкѣ... Скоро они начнутъ свою работу... Холодно; руки забнутъ... Трепещетъ палатка... Разорванные хлопья похороннаго марша... Хоронять третьяго!.. Степь и небо спокойны... Между ними по вѣтру посятся печальныя лохмотья марша.

Однажды, поздно вечеромъ въ нашемъ дворѣ раздался топотъ лошадей. Привели верховыхъ съ бивуака. Формирующій госпиталь полковникъ приказалъ немедленно явиться въ штабъ.

Ненастною ночью кавалькада наша двинулась въ новый городъ. Въ штабъ мы застали другихъ врачей также призванныхъ въ канцелярію.

Насъ торопливо требовали въ Мукденъ и мы получили приказаніе завтра же записаться въ желѣзнодорожномъ управленіи на ближайшіе поѣзды, отправляемые на югъ.

На слѣдующее утро полковникъ „смотрѣлъ“ насъ и полученное нами имущество.

„Смотрѣлъ“ онъ на морозѣ въ стени.—По мерзлымъ кочкамъ проходили передъ нимъ люди закутанные въ башлыки и лошади, обросшія пушистой зимней шерстью.

Дулъ холодный вѣтеръ; срывался снѣжокъ.

И когда мы отбивали этотъ „послѣдній“ смотръ, на душѣ было тихо. Свершилось. Оглядываться нельзя. Стоимъ передъ большимъ дѣломъ; его надо сдѣлать.

Въ тотъ же день я пошелъ въ желѣзнодорожное управленіе записаться на поѣздъ и узнать когда онъ будетъ поданъ для нагрузки. Управленіе помѣщалось во второмъ этажѣ и я легкомысленно поднялся туда, не снимая шинели въ швейцарской.

Когда я записывался у писаря, въ комнату вошелъ какой-то полковникъ, и, глядя мимо меня на писаря, разразился:

— „Сколько разъ говорить тебѣ, дураку, чтобъ ты не смѣлъ разговаривать съ тѣми, что вваливаются сюда въ пальто! Пусть читаютъ внизу объявленіе, что нельзя входить въ верхней одеждѣ! Не давать ни-ка-кихъ справокъ!“

И прошелъ мимо.

Такъ кричалъ офицеръ на офицера!

Какъ ни какъ, а съ писаремъ мы сговорились.

Къ вечеру слѣдующаго дня былъ поданъ поѣздъ и мы стали грузиться. Снова долгая возня съ посадкой лошадей, упирающихся при входѣ въ вагоны; вкатываніе груженыхъ возовъ на платформы; суeta и крики.

Наконецъ всё устроились. Это было глухою ночью. Уставъ отъ долгаго дня работы, всё уснули, кромѣ часовыхъ. Сонными двинулись мы къ Мукдену. Не замѣтили, какъ тронулся поѣздъ.

На слѣдующій день пообѣдали въ Гунджулинѣ и ночью на второй день были въ Мукденѣ.

IV.

Мукденъ.

Меня разбудили: пріѣхали.

Я вышелъ изъ вагона.

Молоденькій прапорщикъ, очевидно помощникъ коменданта станціи, бѣгалъ въ темнотѣ по платформѣ.

— „Пожалуйста выгружайтесь скорѣе, освободите поѣздъ и уведите людей и обозъ куда нибудь въ сторону“.

— „Вставай! Вставай!! Вставай!!!“

Замелькали фонари. Изъ вагоновъ на платформу выходятъ заспанные люди. Выводимъ лошадей, скатываемъ возы.

Холодно было. Руки мерзли. Нельзя всего поднять. Существуетъ положеніе для полевыхъ подвижныхъ госпиталей, по которому каждый изъ нихъ долженъ имѣть 210 кроватей, но средствъ для перевозки этого груза госпиталю не дано. Полковникъ далъ намъ 210 кроватей и прибавилъ къ нимъ 210 столиковъ. Эта кладь занимала половину вагона, мы выгружали ее теперь на платформу, разводили руками и не знали, что съ нею дѣлать?

Рѣшили сложить все въ кучу, поставить часовыхъ и утромъ, освободивъ повозки, перевести ее туда, гдѣ мы остановимся.

„Гдѣ же остановиться?“ спросилъ я у прапорщика.

„А располагайтесь въ полѣ до утра, или отправляйтесь на этапъ“.

Отведя обозъ на нѣсколько десятковъ сажень отъ полотна, я поѣхалъ искать мѣсто для бивуака.

Темно. Дуетъ вѣтеръ. По сторонамъ дороги горятъ костры, на ихъ яркомъ пламени черные силуэты людей. И вдали пятна и зарева такихъ же костровъ. Изъ темноты песется гулъ голосовъ и трескъ воевъ по мерзлой землѣ: обычный ночной шумъ войны.

Я подъѣхалъ къ ближайшему огню, спросить какъ поѣхать на этапъ? Страненъ былъ видъ этого костра. Отъ него шелъ ѣдкій, противный смрадъ.

Горѣли не дрова, а кости убитыхъ животныхъ. Пламя жадно шипѣло, вытапливая жиръ. Первый разъ я видѣлъ такіе костры — и эта темнота, изъ которой несея гулъ движенія; холодъ разрѣзанный смрадными кострами—все складывалось въ угрюмо-уродливое, жестокое ощущеніе... Казалось у костровъ грѣются не паши сѣрые, покорные люди, а... людоеды...

Война!..

„Какъ доѣхать до этапа?“ спросилъ я грѣвшагося у огня солдата. Видъ у него былъ усталый.

— „Прямо ѣзжайте, а потомъ налѣво. Тутъ близко. Какъ огни обозначатся — налѣво и сворачивайте“, сказалъ онъ спокойно, не вставая, хотя видѣлъ, что я офицеръ.

Двинулъ обозъ. Длинною лентой загромыхала вереница воевъ. Остановились въ темнотѣ возлѣ самаго этапа.

Установивъ обозъ, я вернулся къ своимъ, оставшимся на вокзалѣ, чтобы сказать, гдѣ мы и провести съ ними остатокъ ночи.

Помню, я шелъ по платформѣ; за загородкой въ повалку спали солдаты; изъ общей массы сѣраго сукна торчали концы баблыковъ и черныя космы папахъ. Я вспомнилъ, что часы мои не заведены и началъ заводить ихъ.

Въ нихъ что то щелкнуло. Лопнула пружина. Часы остановились.

Стало свѣтать. Мы сидѣли и пили чай въ тѣсной и грязной залѣ вокзала. Кругомъ шумѣла офицерская толпа — ей очевидно было безразлично, что на дворѣ: ночь или день. Только на лицахъ лежала та предразсвѣтная, липкая

усталость, которая такъ радостно смывается холодной водою.

Мнѣ пришлось педолго побыть на вокзалѣ. Прибѣжалъ посланный изъ обоза и сообщилъ, что къ нашему бивуаку подошелъ какой-то полковникъ и требуетъ, чтобы мы немедленно убирались отъ этапа ко всѣмъ чертямъ; требуетъ настолько сильно, что чуть не побилъ моего фельдфебеля.

Пошелъ объясняться. Оказалось, что мы въ темнотѣ своимъ обозомъ загородили проходъ къ колодцамъ.

Снова запрягли лошадей, переѣхали черезъ желѣзную дорогу и остановились на ровномъ полѣ, противъ этапа. Солнце вставало, костры меркли, по полю несея ихъ сѣрый смрадный дымъ.

Тамъ и сямъ размѣстились небольшіе отряды: тѣ, что ночью грѣлись у костровъ. Всѣ они спали на морозѣ, на землѣ, и не обращали на это вниманія.

Это такіе пустыки:—война!

Мимо насъ на топкихъ невысокихъ стойкахъ шли линіи походнаго телеграфа. Онѣ уходили въ даль, къ югу, куда невольно устремлялись наши глаза, гдѣ въ 15 верстахъ былъ врагъ; туда, откуда вмѣстѣ съ разсвѣтомъ донеслись далекіе гулы артиллерійскаго огня.

Прокладывали новую линію. Молодой элегантный поручикъ на чудной лошади, наблюдая за работой, подѣхалъ къ намъ и просилъ принять на себя охрану ближайшихъ столбовъ.

„Такое проклятое мѣсто: не успѣешь поставить стойки, какъ валять“.

Мы приняли на себя охрану трехъ столбовъ, но не исполнили обѣщанія.—Въ тотъ же день насъ двинули къ Мукдену и размѣстили на его окраинѣ, за глиняными воротами. Окраина была пустынная; фанзы, отведенныя для насъ, были безъ рамъ. Наскоро приспособили ихъ; поставили въ холодныхъ комнатахъ желѣзныя печи; заклеили окна бумагой.

Третью ночь въ Мукденѣ мы провели безъ верхней одежды.

Нѣсколько дней стояли безъ дѣла и бродили по тѣснымъ, извилистымъ улицамъ стараго Мукдена.

Нѣтъ ничего новаго — все древне въ этой древней столицѣ Маньчжуріи. Громады стѣнъ съ разрушенными временемъ башнями обросли травой и столѣтнею пылью, кое гдѣ въ расщелинахъ выросли деревья.

Это — Кремль. Въ каменныхъ массивахъ его угловъ высѣчены глубокія божницы, тамъ теплятся жертвенные огни... словно въ старыхъ тихихъ часовняхъ кремля Москвы.

Замкнутыми другъ въ другъ кругами, тѣсно сжимають каменные стѣны живой городъ. Жмутся другъ къ другу каменные фанзы старыхъ родовъ. Тѣсно всюду. — Улицы многолюдны и шумны. Какая масса людей!

И все: — и эти стѣны, усыпанные пылью вѣковъ, и эти дома, построенные по строгимъ завѣтамъ предковъ, и эта толпа желтоликая съ раскосыми глазами, стиснутыми невѣдомыми законами черепами — все древне, все чуждо, все невѣдомо!

Давно выработаны образцы. И человѣкъ здѣсь рождается съ такимъ же черепомъ, глазами и скулами; онъ создаетъ такихъ же боговъ, строитъ такіе-же дома.

И каждый карнизъ, форма черепицы, фронтонъ зданія, пролеты между балками... каждый гвоздь!.. все установлено древностью, запечатлѣно съ роковою послѣдовательностью. Изъ этого создается пріемственное искусство.

Посмотрите орнаменты — они окружають васъ всюду. Они не выдуманы художникомъ — созданы народомъ. Народъ послѣдовательно, неуклонно развивалъ его и достигъ такого совершенства и цѣльности.

Этотъ орнаментъ и тѣ двѣты и искусства, что живутъ кругомъ принадлежать не человѣку, не эпохѣ — они выковылены за всю многовѣчную жизнь народа.

Нѣтъ крика личности. Даже безуміе богатства не можетъ творить по своему: — есть установленные образцы безумію богатства.

И въ линіяхъ зданій царитъ изумительная гармонія.

Часовенка, сложенная у дороги за городомъ изъ сотни кирпичей, и величественная башня стараго храма выстроены въ завѣщанныхъ предками пропорціяхъ, по завѣщаннымъ планамъ и размѣрамъ.

Вылилось и застыло.

И весь городъ—строевъ, цѣлень. Слилося все во едино.

Это запечатлѣнная красота вѣковъ. Въ ней нѣтъ надрывовъ и срывовъ, сорвавшихся помысловъ и вдохновеній, невыполненныхъ задачъ.

Вылилось—застыло...

По діаметру города, пересѣкая гулками воротами круги стѣнъ, идетъ большая торговая улица. Сплошныя лавки. Большинство ихъ составляетъ собственность не одного лица, а родовъ. За многіе десятки и сотни лѣтъ назадъ, родъ основалъ торговый домъ и торгуетъ до сихъ поръ, высчитывая ежедневно по вечерамъ прибыли для каждаго члена рода.

Они даже выпускаютъ на рынокъ свои долговныя обязательства въ видѣ мелкихъ кредитныхъ билетовъ, которые обращаются въ народѣ паравнѣ съ имперскими денежными знаками.

И любятъ проѣзжать по Мукдену вечеромъ, когда наружная жизнь стиралась и онъ уходилъ въ себя—внутрь, этотъ древній колоссъ. Широкіе пролеты магазиновъ заставляются досками, подъ рѣзными карнизами качаются тихіе фонарики.

Лунный свѣтъ путается въ золоченныхъ орнаментахъ карнизовъ, въ причудливыхъ ажурныхъ вывѣскахъ. Рѣзныя, прозрачныя на лунномъ свѣтѣ, онъ стоятъ передъ магазинами, поднимаясь надъ кровлями, какъ волшебныя деревья. Тихо. Во мракѣ глубокихъ магазиновъ и дворовъ, колеблясь, мерцаютъ желтые, дымные огоньки.

Пятна желтаго свѣта бродятъ по склоненнымъ надъ скудными свѣтильниками плоскимъ желтымъ лицамъ. Тихо ведутся бесѣды; слабыя звуки просачиваются изъ глубокихъ, темныхъ, накрѣпко запертыхъ дворовъ.

О чемъ они шепчутся?.. Можетъ быть о насъ?!

Отовсюду выглядывать таинственная, жестокая жизнь, сковавшая народъ въ неподвижное, тѣсно связанное цѣлое.

И тишина стоитъ не наша—чужая, жуткая, сильная.

Намъ приказали принять одинъ изъ госпиталей, расположенныхъ возлѣ вокзала. Помѣщеніе было занято другимъ

госпиталемъ, но его передвигали впередъ, а намъ велѣли смѣнить его, расширить операціонную и начать чисто-хирургическую работу.

Администрація госпиталя, который мы смѣняли, была недовольна передвиженіемъ, а потому сдача дѣла шла медленно, со всевозможными проволочками.

Наконецъ они двинулись впередъ, а мы приступили къ работѣ.

Зданіе госпиталя стояло недалеко отъ вокзала въ ряду домовъ поселка пограничной стражи. Это была длинная казарма, состоящая изъ двухъ залъ, раздѣленныхъ большою прихожей. По бокамъ нѣсколько небольшихъ комнатъ, въ которыхъ размѣстился медицинскій персоналъ.

Казарма была новая, не совсѣмъ законченная постройкой. Покатый потолокъ, разсѣкалъ фонарь для верхняго свѣта, онъ шелъ вдоль всего зданія. Въ стѣнахъ—много оконъ. Въ палатахъ было свѣтло.

Стоялъ безснѣжный маньчжурскій ноябрь, дули вѣтры и въ длинной казармѣ было холодно. Мы поставили желѣзныя печи; черными толстыми змѣями повисли всюду рукава жестяныхъ трубъ. Непрерывно топили, но вѣтеръ, смѣясь, выстукивалъ паши скорбныя залы.

Мимо насъ по звонкой замерзшей землѣ катились повозки: груженные—на югъ; пустыя — на сѣверъ. Шли люди здоровые и сильные—на югъ; больные, укутанные, перевязанные, искалѣченные—на сѣверъ. Движеніе шло непрерывно и отъ него поднималась мелкая зимняя пыль. Она всегда стояла вокругъ насъ въ воздухѣ —и были причудливы часы закатовъ солнца.

Красный шаръ медленно опускался въ багровомъ заревѣ и въ это зарево летѣли, звеня, проходящіе на югъ караваны повозокъ, орудій, въ нихъ звонко отдавался топотъ идущихъ впередъ баталіоновъ.

Больные и раненные обычно прибывали вечеромъ. Пріемная компата наполнялась сѣрою толпою педужныхъ людей. Усталые отъ дороги, они садились на полъ, тянули холодныя руки къ огнямъ печей и терпѣливо ожидали пріема, наслаждаясь тепломъ. Говорили рѣдко и неохотно—большин-

ство молчало; иной разъ стонъ вырвется... Рядомъ съ сѣрыми грудями тѣлъ лежали сѣрые груды одежды и ненужныя винтовки.

На столѣ горѣла жестяная лампа. Врачъ и фельдшеръ принимали больныхъ. Это продолжалось долго: нужно записать всѣхъ, а никто не слушаетъ, многіе засыпаютъ:—тепло, отогрѣвается тѣло.

Вносили тяжело больныхъ. Сидящіе на полу раздвигались, между ними ставились носилки. На нихъ лежить сѣрый, закутанный человѣкъ. Рядомъ—винтовка. Недвижно лежить и лица не видно: закутано башлыкомъ.

Страдаетъ ли подъ этой сѣрой, обмерзлой оболочкой теплое человѣческое тѣло... или уже отстрадало? Не видно...

Шли небольшія перестрѣлки и стычки: раненыхъ было мало. Въ госпиталь попадали по преимуществу случайно искалѣченные люди: то лошадь разобьетъ, то повозка переѣдетъ.

Помню какъ-то принесли на рукахъ офицера генеральнаго штаба. Лошадь сбила его противъ нашего госпиталя, онъ ударился затылкомъ о твердую, замерзшую, кочковатую землю. Черепъ треснулъ—онъ умеръ.

Операціонная работала съ утра до ночи. Больныхъ клали на кровати, снимали съ нихъ лохмотья, которыя они принесли на себѣ съ позицій, одѣвали въ чистое бѣлье, водили въ операціонную. Оттуда неслись стоны, вытаскивались ведра, полныя кровяной ватой и водой.

Могущихъ перенести путь немедленно отправляли въ тылъ. Эвакуація происходила утромъ и къ полдню госпиталь пустѣлъ, а вечеромъ снова появлялась въ пріемной сѣрая толпа, снова ее размѣщали по палатамъ... и такъ день за днемъ.

Помню ночью... Горятъ лампы. Длиннымъ рядомъ висятъ онѣ вдоль всего госпиталя, образуя свѣтлую линію пятенъ, а по бокамъ, въ углахъ—темно.

Въ четыре ряда стоятъ кровати. Отъ нихъ идетъ густой запахъ пота, несется храпъ. Вся палата полна храпомъ, въ его тяжелые аккорды вкрапывается стонъ, и послѣднее холодное иканіе. Вотъ рвется крикъ бреда... Кто-то во снѣ

переживаетъ минуты смертельной опасности и кричить, кричить и мечется на соломенномъ тюфякѣ.

Вотъ льется тихій шопотъ молитвы...

А тамъ... покрывая могучій храпъ, взвизываетъ неистовый крикъ страданія.

— „Господи! Господи!?!“

Бродягъ дневальные, помогая лишеннымъ сна, переворачивая ихъ, оправляя жесткіе, тюфяки. Изъ темноты бѣлымъ пятномъ выступаетъ косынка сестры.

И проклятый вопросъ „Зачѣмъ!?“ словно выжженъ надъ темной палатой гнетущимъ сознаніемъ безцѣльности.

Половина второй палаты была отведена подъ офицерское отдѣленіе.

Помню одного офицера. Онъ былъ раненъ въ грудь и не могъ лежать, а сидѣть въ креслѣ.

Возлѣ стоялъ дневальный, поддерживая его въ тѣ минуты, когда голова падала на грудь и онъ засыпалъ. Какъ привидѣніе вставала бѣлая, сидящая фигура надъ сѣрою, спящею массой. Иной разъ съ губъ его, срывалась топкая струйка липкой крови.

Часто попадали къ намъ алкоголики.

Для нихъ мы отгородили въ палатѣ уголь.

Помню одного красавца-корнета. Онъ запилъ съ того времени, какъ сѣлъ въ поѣздъ; пилъ все время переѣзда изъ Россіи въ Маньчжурію; пилъ на передовыхъ позиціяхъ до минуты отправленія въ госпиталь. Онъ былъ прекрасенъ и совершенно безуменъ. Его привезли къ намъ безъ сапогъ и рубашки. Когда помѣстили его за загородкой—онъ пришелъ въ неистовство, рвался къ больнымъ въ палату и все начиналъ какую-то рѣчь, но обрывался, плакалъ, махалъ безпомощно рукою и кидался на свою постель.

Помню одного поручика, лежавшаго у насъ два раза. Первый разъ онъ страдалъ сильнымъ легочнымъ кровотеченіемъ и, несмотря на уговоры врачей, ни за что не хотѣлъ ѣхать въ тылъ. Оправившись, поручикъ выписался, напился и уѣхалъ на позиціи въ совершенно пьяномъ видѣ. Черезъ недѣлю или двѣ его снова привезли къ намъ.

— „Какъ я радъ, что снова увидѣлъ васъ“, сказалъ

онъ, увидѣлъ меня въ приемной комнатѣ. „Какъ я измучался! Какъ усталъ!... Господи! Что это дѣлается?“ гаворилъ онъ и слезы падали изъ его глазъ.

Мы пошли по палатѣ. Вдругъ онъ остановился, вскрикнулъ и схватилъ меня за руку.

— „Что это за ребенокъ?“ спросилъ онъ съ ужасомъ, указывая впередъ въ пустоту.— „Опять онъ здѣсь? Прикажите его выгнать! Прикажите!! Это сынъ мой, я люблю его, но прикажите, прикажите!! его выгнать! Я не могу!!!“

Онъ кинулся на ближайшую кровать и зарыдалъ.

Попадали къ намъ раненные плѣнные японцы.

Они удивляли насъ тѣмъ, что всѣ были одѣты одинаково, по формѣ, и были чисты.

Возлѣ кроватей, занятыхъ плѣнными, стояли часовые, назначаемые комендантомъ этапа, независимо отъ того, можетъ ли врагъ подняться съ постели, или нѣтъ. Эти часовые, стоявшіе и смотрѣвшіе на страданіе врага, мечущагося безъ сознанія на больничной койкѣ, или томящагося въ предсмертной икотѣ были кошмарно ужасны.

Какія мысли возникаютъ въ головѣ часового, когда онъ смотритъ какъ умираетъ врагъ, котораго онъ стережетъ?

Прямо передъ нами на запасномъ пути желѣзной дороги стоялъ поѣздъ главнокомандующаго, составленный изъ пульмановскихъ вагоновъ. Окна его, по вечерамъ задерживались тяжелыми шторами; работала динамо-машина; блестѣли электрическія лампочки. Выскакивали повара въ бѣлыхъ колпакахъ. По откиднымъ лѣстницамъ вбѣгали и сбѣгали офицеры генеральнаго штаба; часто возлѣ поѣзда часами стояли свиты пріѣзжихъ генераловъ.

Это былъ дворецъ среди нищеты.—Къ этому поѣзду тянулись всѣ мысли, какъ къ центру. Отсюда исходили жестокія распоряженія боя.

Однажды главнокомандующій посѣтилъ насъ. Онъ обходилъ больныхъ, останавливался возлѣ раненыхъ. Разспрашивалъ, хвалилъ... Двоимъ приколотъ къ бѣлымъ рубашкамъ георгіевскіе крестики.

Его громкій голосъ спокойный и печальный, увѣренный

движенія и простота рѣчи произвели на насъ сильное впечатлѣніе.

Скоро послѣ его посѣщенія дошла до насъ вѣсть о паденіи Портъ-Артура. Я узналъ объ этой катастрофѣ отъ больного офицера.

Въ палатѣ было темно, горѣло нѣсколько свѣчей на столикахъ между кроватями. Въ окнахъ дремалъ мутный свѣтъ угасающаго дня. Въ фонарѣ дребезжалъ вѣтеръ.

Говорили тихо.

Сломалось! Рухнуло, придавило на душахъ! Сколько пролито крови! Вѣдь это недалеко.... двѣ—три сотни верстъ...

Теперь тамъ торжествуетъ врагъ, страдаютъ наши... Скоро здѣсь будетъ литься, литься кровь...

Скоро будетъ бой...

Говорили тихо... И въ словахъ и въ глазахъ чувствовали близость кровавого конца, близость паденія... позора.

Въ фонарѣ дребезжалъ вѣтеръ. День угасъ. Зажигали лампы.

А госпиталь продолжалъ работать.

Дѣло шло непрерывно и единственно, что мѣшало ему идти ровно и сильно—обиліе начальства.

Это были русскіе генералы, пріѣхавшіе сюда начальствовать и они не дремали. Они посѣщали насъ непрерывно. Не успѣвалъ одинъ генералъ пройти длинную казарму, какъ бѣжалъ запыхавшійся дневальный, извѣщая, что въ госпиталь вступило новое „Превосходительство“.

Генералы были убѣждены, что мы тупы и глупы, что мы не понимаемъ, не знаемъ какъ вести дѣло. Поэтому они учили врачей медицинѣ; кашеваровъ—варкѣ пицци; хлѣбопековъ—мѣсить тѣсто. Они входили въ больницу, работающую на вѣхъ парахъ и, придравшись къ какому нибудь пустяку, вродѣ грязнаго полотенца, которымъ только что вытерся пришедшій съ позиціи человекъ, устраивали форменные скандалы всему персоналу госпиталя и уходили довольные своею распорядительностью.

Тогда, когда голова изнывала отъ вопросовъ какъ бы лучше поставить дѣло облегченія страданій—они приходили и злобно кричали, что всѣ подушки должны лежать на

кроватяхъ такъ, чтобы завязки паволокъ были обращены въ одну сторону.

Ихъ было много. Мы даже не знали сколько!..

Однажды вечеромъ одинъ полковникъ Генеральнаго Штаба началъ разносить меня, и когда я сдѣлалъ изумленное лицо, онъ съ пѣною у рта заявилъ мнѣ, что возмущенъ моею дерзостью, что я напрасно такъ легко отхопсусь къ его замѣчаніямъ, что онъ имѣетъ право согнуть меня въ бараний рогъ, ибо сегодняшнимъ приказомъ онъ тоже назначенъ надо мною... начальствомъ.

И жестока была вражда между людьми, занятыми насущнымъ дѣломъ и тѣми, кто командовалъ.

Встрѣчая генерала, мы видѣли въ немъ не начальника, къ которому можно обратиться съ просьбой о помощи, а стараго человѣка, страдающаго маніей величія.

На Рождествѣ устроили елку. Мы накопили рядъ подарковъ, полученныхъ изъ складовъ; изъ Россіи пришелъ къ намъ транспортъ теплыхъ вещей, табаку и другихъ необходимыхъ предметовъ.

Вмѣсто елки былъ вырубленъ громадный можжевельникъ, растущій какъ дерево. Мы украсили его дешевыми погремушками, цѣпями, склеенными изъ золотой бумаги и поставили посрединѣ палаты, въ которой къ этому дню были сосредоточены легко больные. Кругомъ можжевельника развѣшаны большіе, прозрачные китайскіе фонари; на деревѣ горѣли красныя американскія свѣчи, блестѣли золотыя бездѣлушки.

Чтобы развеселить унылый кругъ нашей семьи, мы пригласили фокусника китайца, сдѣлали ему помость изъ столовъ и онъ показывалъ больной толпѣ свои ловкіе фокусы.

Качавшіеся на вѣткахъ огни озаряли первые ряды зрителей... они лежали на носилкахъ, съ восторгомъ глядя на блескъ золотыхъ украшеній и огней, на ужимки ловкаго китайца. За ними сѣрою стѣною стояли больные, переносящіе свои страданія стоя. Изъ ихъ темной массы вырывались бѣлыя пятна бинтовъ, схватившихъ руки, плечи, увѣнчавшихъ головы.

Ломанный языкъ фигляра китайца, и его забавные

фокусы вызывали улыбки лежавшихъ. Сѣрая толпа хохотала.... А въ другой палатѣ было пусто, тихо и темно. Одинокая сестра сидѣла у постели умирающаго. Закинувъ голову, вытянувшись на жесткой постели, онъ рѣдко, рѣдко дышалъ. Тѣло его подергивалось томительной предсмертной судорогой....

Когда среди людей, занявшихъ койки госпиталя, кто-нибудь, умиралъ, его отодвигали къ стѣнѣ и окружали ширмами. Стыдливо закрывшись отъ постороннихъ глазъ, кончалось послѣднее бѣшеніе жизни....

Когда нельзя было передвинуть кровать, человѣкъ умиралъ въ толпѣ, на міру—и тяжело было смотрѣть на него: кто умираетъ?... Никто не зналъ....

Человѣкъ!...

Сосѣди косились на умирающаго, какъ на что-то большое, непонятное. Приходили дальніе, заглядывали въ глаза, чтобы посмотреть какъ умираютъ.

Когда трупъ остывалъ, его выносили вмѣстѣ съ кроватью. Обнажался квадратъ пола. Онъ рѣзалъ глазъ, отъ него шла тишина, пустота....

Вносилаcь новая кровать и на томъ мѣстѣ, гдѣ только что кончились страданія—начинались новыя.

Если вечеромъ выдавалось свободное время, мы проводили его въ столовой. Она была устроена въ юртѣ рядомъ съ госпиталемъ.

Тамъ за столомъ, возлѣ жарко натопленной желѣзной печи, мы вели длинные разговоры о пережитомъ здѣсь, отдавались воспоминаніямъ, вопрошали будущее.

Иногда совершали прогулки верхами.

Помню, разъ съ однимъ изъ врачей я поѣхалъ на могилы древнихъ монарховъ Маньчжуріи. Дороги мы не знали и долго блуждали по равнинѣ, не находя священной рощи. Солнце спустилось къ закату, когда мы подъѣхали къ стѣнамъ, стерегущимъ покой древнихъ могилъ.

Насъ окружила жадная до подачекъ толпа привратниковъ и ввела въ первый дворъ. Въ немъ дремлетъ священная роща. Ровною полосой пересѣкла ее широкая дорожка, вымощенная камелными плитами. По бокамъ ея недвижно

высятся священныя изваянія слоновъ и другихъ животныхъ—символовъ императорскаго могущества.

Галки кричали въ вершинахъ священныхъ деревьевъ; мракъ синюю волною тронулъ глубины роуи; на верхнихъ вѣткахъ догоралъ закатъ.

Гулко шелкнулъ старый замокъ, съ лязгомъ отворились желѣзныя двери, и мы вошли во второй дворъ. Посрединѣ его стоитъ павильонъ—въ немъ заточено громадное изваяніе чудовищной черепахи, стерегущей тишину.—Она подняла свою толстую голову, вооруженную клыками, вытянула шею... прислушивается...

А кругомъ идутъ высокія стѣны, съ нихъ легко взвываются вверхъ башенки,—ажурныя, легкія башенки востока, всѣ расписныя, въ золоченныхъ карнизахъ тонкой, ювелирной работы.

Мы залюбовались послѣдними лучами заката играющими въ тонкихъ узорахъ карнизовъ, а по низу все синѣе и синѣе дожился мракъ.

Намъ стало жутко въ этой тишинѣ, мы не пошли въ послѣдній дворъ, не видѣли могильнаго кургана императоровъ.

Съ низкими поклонами провожали насъ до выхода привратники, выпрашивая деньги.—Легко вздохнули мы, выйдя изъ круга стѣнъ, и молча, быстро помчались домой, въ синюю даль, зажигающуюся яркими огнями.

Заглянувъ въ другой міръ, мы уносили съ собою чистоту его тишины и намъ было жутко, словно мы видѣли то, чего не должны видѣть люди иной расы, иного племени.

Я ѣздивъ второй разъ на могилы...

Это было тоже вечеромъ. Мы ѣхали съ сестрою въ двухколкѣ. Стоялъ морозный вечеръ, ясный, звонкій, съ хрустальными далями, синюю бахромою горизонтъ.

Воспоминанія о прежней жизни гнетуще давили меня и мою сосѣдку. Мы говорили о далекой родинѣ, о тѣхъ кто тамъ остался...

Лошадь шарахнулась въ сторону...

По срединѣ дороги, спокойно смотря въ небо широко открытыми глазами, лежалъ убитый красавецъ китаецъ. И

все вокругъ него было такъ ясно, такъ просто: и пыль дороги, и пробившаяся сквозь нее прошлогодняя сухая трава, и окровавленная сучковатая палка, и широкая полоса замерзшей крови изъ виска...

Она упала на пыль дороги, какъ красная кисть, алая, мерзлая и свѣтилась матовымъ краснымъ сіяніемъ.

Кругомъ стояли кусты, ихъ тонкія вѣточки переплелись на заревѣ заката мелкою черною сѣткой.

И было тихо.

Небо блестѣло на мертвыхъ глазахъ; глаза спокойные и мертвые глядѣли на небо.

Мы поѣхали назадъ вдоль китайскаго кладбища съ конусообразными насыпями. Когда двуколка поднялась на высокую желѣзно-дорожную насыпь, я оглянулся на потухающій западъ.

Могилы, могилы!—Онѣ идутъ далеко, за предѣлы моего зрѣнія по ровному полю.—И молчатъ могилы, молчить убитый, тишина кругомъ... Тишина Китая! Изъ ея глубокаго, незблемаго покоя встаетъ молчаливый образъ... Не онъ ли воплотился въ живомъ Мукденѣ, таинственномъ и великомъ, на который мы любовались, который смѣялся надъ нами беззвучнымъ, тихимъ смѣхомъ своихъ вѣковъ?!

Какъ-то днемъ въ госпиталь зашелъ неизвѣстный намъ доселѣ генералъ и просилъ показать ему все наше хозяйство. Онъ прошелъ по палатамъ, внимательно осматрѣлъ операционную, цейхгаузъ, кухню, обозъ—и ушелъ.

Между тѣмъ съ каждымъ днемъ чувствовалось все большее и большее оживленіе и торопливость. Улицы Мукдена были запружены наѣхавшими изъ частей посыльными, покупавшими жизненные припасы. Каждый день прибывали съ сѣвера новыя части и торопливо уходили на югъ. Возлѣ поѣзда главнокомандующаго стояли толпы ординарцевъ; госпиталямъ приказано эвакуировать по возможности всѣхъ больныхъ въ тылъ.

Все предвѣщало бой.

Однажды утромъ мы неожиданно получили приказаніе немедленно передать нашъ госпиталь прибывшему отряду Краснаго Креста и двинуться впередъ на правый флангъ въ

распоряженіе инспектора госпиталей арміи. Онъ жилъ недалеко отъ насъ въ 6—7 верстахъ, возлѣ моста черезъ Хунхэ и мы поѣхали къ нему узнать куда именно слѣдуетъ намъ двинуться.

Въ инспекторѣ госпиталей я узналъ того генерала, который такъ внимательно нѣсколько дней тому назадъ осматривалъ нашъ госпиталь.—Это былъ генераль Солнцевъ.

Онъ приказалъ намъ двинуться изъ Мукдена, немедленно идти въ деревню Сухудяпу, гдѣ будутъ отведены для насъ помѣщенія и быть готовыми къ большой и отвѣтственной работѣ.

— „Только скорѣе! Скорѣе!“

На слѣдующій день рано утромъ нашъ обозъ вытянулся и загромыхалъ по мерзлой накатанной дорогѣ на югъ, туда, куда такъ долго мимо насъ шли новыя силы.

V.

Сухудяпу. Бой у Сандепу.

Мы шли на югъ, проходя послѣднія, находившіяся въ нашихъ рукахъ, версты желѣзной дороги. Рядомъ съ нами, впереди и сзади двигались густыя колонны обозовъ и артиллеріи; навстрѣчу тянулись пустыя повозки и арбы транспортовъ.

Возлѣ моста черезъ Хунхэ была толкотня. Пропускали по очереди и добиться ея было трудно: многіе ждали часами. Намъ повезло. Обогнавъ толпу обозовъ, мы подошли къ самому раструбу моста, быстро перешли его и двинулись по южному берегу рѣки на западъ.

Справа вѣтся въ древнемъ руслѣ горная рѣчка Хунхэ, то узкая, быстрая, то дремлющая въ омутахъ.—Слѣва ровными, правильными грядами уходятъ вдаль мерзлыя поля. Кое-гдѣ по межамъ небольшія рощи. Деревья ихъ наклонены въ одну сторону—словно сговорились расти косо... Но нѣтъ—они не сговорились.—Это приказалъ имъ владыка—океанскій вѣтеръ.

Шли цѣлый день. Начало смеркаться. Синіе сумерки залили дали; морозный день печально угасалъ. Изрѣдка издали доносились далекіе орудійные выстрѣлы.

Ко мнѣ подѣхалъ товарищъ.

— „Смотри“ — сказалъ онъ, указывая на наклоненныя деревья; „близко океанъ, а мы никогда его не увидимъ...“

Я не отвѣчалъ. Понятно—мы не увидимъ океана!

Зачѣмъ?!.. Зачѣмъ здѣсь, на этой чужой равнинѣ затерялись наши славянскія жизни?!.. Какой вопросъ они рѣшаютъ? За что умираютъ?!..

Для нихъ ли шумитъ океанъ?

Нѣтъ!—Только одна мечта, какъ миражъ встаетъ изъ мгlistыхъ вечернихъ испареній давить гнетущею тоскою, жаждою жизни... Тамъ... тамъ нахохлившіяся деревеньки среди скудныхъ полей ждуть насъ и плачутъ, плачутъ тихими далекими слезами и молятся, молятся своему Богу о насъ, говорятъ ему о скорбяхъ...

И въ этотъ вечеръ, подъѣзжая къ новому неизвѣстному, мы были грустны и тихи... какъ люди, уходящіе отъ жизни, мечты...

Вотъ она за пригоркомъ... вотъ опять мелькнула... еще... еще!.. и скрылась...

Когда мы подъѣхали къ Сухудяпу, западъ погасъ, настала ночь.

Пошли искать отведенныя для насъ фанзы. Ихъ не оказалось: другой госпиталь прислалъ своихъ квартирьеровъ и занялъ ихъ.

И узнать не у кого—всюду темно. Наконецъ набрали на освѣщенную фанзу. Тамъ мы застали трехъ офицеровъ артиллеристовъ изъ отряда генерала Мищенки. Онъ только что вернулся изъ набѣга на Инькоу и опять уходилъ, а офицеровъ оставилъ здѣсь продать фуражъ и произвести расчеты.

Они праздновали Рождество. На столѣ стояло маленькое хвойное деревцо, все разукрашенное золотыми бездѣлушками; вокругъ него—водка, консервы. Изъ угла неслись бойкіе, разнузданные вопли грамофона, лихо кричавшаго шансонетку.

Они радостно приняли насъ и указали гдѣ найти коменданта деревни. Подходя къ его двору, я слышала похоронное пѣніе. Посрединѣ двора стояло три стола—на нихъ три гроба.

Сзади толпа молящихся со свѣчами въ рукахъ. Бѣлые, желтые свѣты вырывали изъ мрака угрюмыя лица, сѣрыя груди шинелей, блестящія пуговицы.

Огнями переливалась ряса священника; онъ ходилъ вокругъ столовъ, бряцалъ кадиломъ и жалобно пѣлъ жидкимъ теноркомъ. Ему подпѣвала толпа.

Пламя свѣчей не колебалось. И такъ понятно было, что гасла молитва адѣсь-же, не выходя изъ этого двора, въ холодной тишинѣ мрака. Такъ было понятно, что люди пѣли ее только для себя... Необходимо было пѣть завѣтные скорбныя пѣсни — это читалъ каждый въ своемъ сердцѣ.

Это была папихида по убитымъ во время набѣга на Инькоу товарищамъ офицерамъ, трупы которыхъ Мищенко привезъ съ собою.

Комендантъ, покидавшій съ разсвѣтомъ деревню, ничего не могъ указать мнѣ, и я вернулся къ своимъ, ужинавшимъ вмѣстѣ съ офицерами. Среди нихъ, выдѣлялся молодой хорунжій. Передъ самой войною онъ копчилъ военное училище и прямо со школьной скамьи попалъ въ дѣйствующую армію, былъ при первыхъ стычкахъ, участвовалъ во всѣхъ бояхъ, отличился своею находчивостью и храбростью.

У него было мужественное, красивое лицо съ откинутою волною выющихся пеньлевыхъ кудрей, юркая сухая фигурка и странные глаза. — Казалось, что они открыты больше, чѣмъ у другихъ людей.

На слѣдующій день прибыло начальство, удалило квартирьеровъ госпиталя, занявшаго предназначенныя намъ фанзы, и мы начали устраниваться. Намъ торопили — очевидно со дня на день ждали событий. Долго пришлось чистить фанзы. И такъ въ нихъ было много грязи, а стоявшіе казаки превратили ихъ въ хлѣвы.

Весь мусоръ вышосился на улицу, смѣшивался съ соломой и навозомъ, заполнявшими дворы, и сжигался. Грязныя стѣны фанзъ спѣшно бѣлились, прорванная бумага окопъ заклеивалась; строились очаги для питательныхъ пунктовъ въ деревнѣ и чайныхъ возлѣ желѣзнодорожной вѣтки, проходившей мимо.

Генералъ Солнцевъ поселился съ нами. Нѣсколько разъ въ день призывалъ онъ меня къ себѣ, спрашивалъ какое количество людей я могу принять, накормить обѣдомъ, напоить чаемъ; достаточно ли у меня мяса, хлѣба?

Онъ обязалъ меня сейчасъ же завести большіе запасы продовольствія. Его беспокоило отсутствіе отрядовъ Краснаго Креста, нищенская обстановка и холодъ нашихъ фанзъ.

11 Января стояла невообразимая суета.—Всѣхъ сбили съ ногъ. И все спрашивали—все ли готово? Нѣтъ ли въ чемъ недостатка? Хватить ли продуктовъ, бѣлья?

Приказали очистить рядъ необитаемыхъ фанзъ во второй линіи и приспособить ихъ для почевки легко раненыхъ. Прибыли долго жданные отряды краснаго креста и начали устраиваться рядомъ съ нами.

Цѣлый день прошелъ въ суетѣ и, когда наступала свободная минута, становилось жутко: кругомъ гишина, здоровые люди и тихое поле, а мы... готовимъ перевязки, пріютъ для искалѣченныхъ, пищу для голодныхъ, могилы для мертвыхъ. Въ этомъ расчетѣ была чудовищная жестокость войны.

— „Готовьтесь“ говорили намъ. „Сейчасъ начнется бойня!“

Вечеромъ генераль потребовалъ меня къ себѣ. Онъ цѣлый день провелъ съ нами, внимательно выслушивалъ донесенія, медленно отдавалъ приказанія, но въ глазахъ его блесѣлъ нервный огонекъ и непонятная печаль сопровождала всѣ его дѣйствія. То, что я услышалъ отъ него, было болѣе чѣмъ странно — генераль требовалъ, чтобы я принялъ въ свой денежный ящикъ находящіяся у него на рукахъ суммы.

Ихъ оказалось всего на всего 2700 р. и приказаніе это было непонятно. Но онъ настаивалъ, чтобы деньги были приняты немедленно, чтобы ему выдали росписку въ пріемъ ихъ и *сегодня же* объ этомъ отдали въ приказъ. И вызвалъ разводящаго, втащили въ фанзу мерзлый денежный ящикъ, и церемонія пріема денегъ была исполнена.

Ясно было, что на завтра ожидался бой. Поздно вечеромъ пріѣхалъ изъ Мукдена артельщикъ съ повозками, нагруженными горами припасовъ и при свѣтѣ фонарей съ воевъ сбрасывали замерзшіе, словно каменные куски тушъ, мѣшки съ солью, сахаромъ.

Долго просидѣлъ я въ своей канцеляріи и поздно, глубокою ночью, вернулся въ фанзу.

Я жилъ вмѣстѣ съ генералами въ длинной и высокой комнатѣ, раздѣленной пополамъ прозрачной перегородкой изъ циновокъ.

Въ фанзѣ было темно.—Генералы и ихъ штабъ спали.

Тихо, чтобы не разбудить, пробрался я на свою койку, и снявъ верхнее платье, легъ.

Не спалось.

Темнота и тишина не успокаивали — въ нихъ кипѣли вопросы и образы. Они давили меня, я метался по кровати, не могъ уснуть. Зажегъ спичку, чтобы закурить папиросу, успокоиться.

— Вы не спите?—спросилъ генераль.

— Не могу заснуть.

— Я тоже. Всю жизнь мучался безсонницами, а теперь совсѣмъ пересталъ спать...

Нестройный, могучій залпъ орудій грянулъ вдали, — словно вѣтеръ пахнулъ по бумажнымъ окнамъ нашей фанзы.

— Слышите?—спросилъ генераль.

— Слышу...

— Вы знаете, что это?

— Нѣтъ.

— Это сигналъ къ общему наступленію. Сейчасъ начнется бой. Три часа теперь?

Зажегъ спичку.

„Три часа!“

Сна не было.

Накинувъ полушубокъ, я вышелъ на дворъ.—Въ туманные темныя дали тянутся поля, покрыты тонкимъ бѣлымъ слоемъ только что выпавшаго снѣга. На бѣломъ фонѣ полей, черныя узоры деревьевъ.—Они идутъ вдали—въ предразсвѣтные туманы.

Изъ сизой мглы мутной, сонной дали выскочили яркіе языки пламени.—Это наши осадныя орудія послали въ сторону непріятеля звенящія массы металла. И громовой раскатъ залпа потрясъ предразсвѣтный холодъ.

Морозъ такъ и щипить. — Я вернулся на свою постель, закутался въ мягкій полушубокъ и сразу заснулъ.

Въ шесть часовъ разбудили. Надо получить громадныя котлы для варки пищи тѣмъ, кто будетъ раненъ. А ихъ будетъ много: съ горизонта неслась частая орудійная пальба.

Для получения котловъ отъ этапа необходима была записка, подписанная генераломъ.

Я написалъ ее и видя, что онъ не спитъ, а приподнявшись на походной кровати, пишетъ что-то въ своей записной книжкѣ,—подошелъ къ нему.

— „Что такое!“—спросилъ, онъ очнувшись.

Я объяснилъ.

— А! Хорошо! Значить и котлы будутъ?

— „Къ девяти часамъ будутъ вставлены въ очаги“.

Онъ подписалъ записку и я вышелъ, чтобы послать подводу.

На дворѣ меня уже ожидали:—многое нужно было сдѣлать. Только что я началъ отдавать приказанія, какъ ко мнѣ, весь блѣдный, подбѣжалъ солдатъ.

„Ваше Благородіе! Ваше Благородіе!“ кричать онъ задыхаясь, растерянно.

Необычное было въ его крикѣ.

— „Что такое?!

— „...Генераль застрѣлился!“

— „Какой генераль?!“

— „Генераль... Солнцевъ!“

И вбѣжалъ въ фанзу.—Она была полна народомъ. Свѣсившаяся вялая, холодбующая рука его находилась въ рукъ испуганнаго врача.

„Кончено...“ сказалъ онъ тихо.

А солнце вставало, и съ каждой минутою бой у Сандецу разгорался... Поле свистѣло, жалобно ныло.—Тамъ въ воздухѣ лопались, рвались съ неистовымъ трескомъ снаряды. И чѣмъ свѣтлѣе становилось, тѣмъ жесточе, тѣмъ безумнѣе звивался вихрь смерти. Словно не солнце вставало, а она холодная открывала свои безразличныя, свѣтлыя глаза.

Мы смотрѣли въ поле, откуда несясь безумный ревъ боя,

оглядывались невольно на только что остывшую жертву отчаянья, и ждали... Далеко носилась смерть,—а за широким размахомъ ея косы было тихо и пусто.

Лихорадочно работали мы, дѣлая послѣднія приготовленія для тѣхъ неизвѣстныхъ, которыхъ коса смерти не смететъ безслѣдно, отъ которыхъ останется еще что-то... Что? — страданіе?... ужасъ?... Не все-ли равно!.. Останется что-то человѣческое.

Но поле было пустынно, земля бѣла и безмолвна, только воздухъ, надрывался въ жестокой пѣснѣ боя.

Цѣлый день провели мы подавленные.

...„Я не могъ принять раненыхъ такъ, какъ они того заслужили, а потому долженъ умереть первымъ“... писалъ онъ въ своей запискѣ...

Непонятно: ихъ нѣтъ!... Поле пустынно!... Мы готовы! Гдѣ же они?!

Вечеромъ я зашелъ къ знакомому хорунжему. Мы условились, что онъ продастъ мнѣ необмолоченныя головки гаоляпа, и я оставилъ его за книгой, въ которую онъ вписывалъ свои расходы и вырученныя за продажу фуража деньги.

Къ вечеру мы переселились въ другой дворъ, оставивъ тѣло генерала въ большой фанзѣ.

Мы поселились въ богатомъ дворѣ старшины деревни. И домъ, и вся утварь были старинной, драгоценной работы. Прихожая центрального дома украшена старой божницей, затѣйливо обрамленной тонкими кружевами изъ разноцвѣтныхъ бумагъ; двери—выпуклыми инкрустаціями; стѣны—спокойными, выцвѣтшими отъ времени картинами.

Устали мы отъ ожиданія и быстро уснули.

Утромъ разбудили...

— „Раненые“?!

— „Нѣтъ—посчитать фуража“...

Поле попрежнему выло.—И странно было, глядя въ это пустое, бѣлѣсоватое небо сознать, что въ немъ невидимо летаютъ воющія массы металла... Какая масса металла въ воздухѣ!—Отъ этого онъ и востъ.

Изъ поля никто къ намъ не шелъ, но у насъ была своя

новая жертва:—застрѣлился хорунжіи съ болѣе открытыми, чѣмъ у другихъ людей глазами.

Узнавъ, что генераль покончилъ съ собою, онъ пошелъ *посмотрѣть*, долго стоялъ передъ холоднымъ тѣломъ, словно любясь и сказалъ: „Хорошо!“

Ночью пилъ и билъ своего денщика.

Утромъ закончилъ записи, пообедалъ — потребовалъ водки, напился, легъ въ ту-же и позу, какъ генераль—и пустилъ себѣ въ лѣвую сторону груди двѣ пули.

И теперь онъ лежалъ на канахъ, закинувъ свою красивую, храбрую голову, и смерть еще шире открыла его загадочныя глаза.

На бѣлой груди алѣло пятно, пробитое пулей. На колъняхъ передъ канами, прижавшись лицомъ къ сапогу хорунжаго, рыдалъ денщикъ.

А поле ныло, изнемогало отъ воя. И, ни одного человека,—ни всадника, ни повозки не видно въ немъ! Никто не шелъ въ бой, на помощь, никто не возвращался!.. Словно нельзя было нарушать дѣвственной пелены тонкаго спѣянаго слоя.

И страшно намъ стало въ нашемъ бездѣйствіи. Невозможно оно!—Эти дни требуютъ крови!—Нельзя быть зрителемъ!... невыносимо!! лучше кончить!... Это такая пустота!...

И мы почувствовали, какъ манить, какъ тянетъ, какъ влечетъ къ себѣ пустыня смерти, какъ невозможно жить въ этой сферѣ ужаса, какъ просто и легко найти избавленіе!...

Мы замѣчали въ глазахъ другъ у друга непередаваемое ощущеніе ужаса жизни:—глаза, страдали, блеснули; стали темнѣе и глубже. И, чувствуя ужасъ, мы боялись, что кто нибудь изъ насъ *уйдетъ*.

И стали дружнѣе и тише въ этотъ день.

О томъ, что дѣлалось впереди, мы узнали позже..

Шелъ бой на равнинѣ, плоской и бѣлой; на пашняхъ, разбѣренныхъ правильными линиями грядъ, ровными межами.

Вдали стояли купы деревьевъ. Борозды небо непрерывными гудящими волнами, взрывая пашню, разрывая бѣлую

пелену черными дырами, лопаясь въ воздухѣ, неслись снаряды. Низко надъ полемъ шипя бѣжали пули.

Цѣпи перебѣгали впередъ, оставляя черные слѣды на бѣломъ покровѣ и каждый разъ, когда поднимались, многіе, пронзенные невидимыми пулями, падали и оставались...

А цѣпь бѣжала и снова ложилась.

Надъ оставшимися быстрыми струйками неслись жгучія пули; стояло небо спокойное, ясное, синѣющее отъ вечера.

И теплыя отъ жизни тѣла хватали холодныя, пезамѣтныя силы.

Изъ нихъ вытекала кровь, она капала красная, теплая, на бѣлое, холодное, на мерзлые комья земли и становилась твердой.

Жизнь холодѣла, меркла внутри; глаза дѣлались мутными и смотрѣли не въ небо, а въ себя, внутрь.

Вопросъ о жизни рѣшался просто: вытягивалось тѣло, въ него входилъ морозъ смерти, а морозъ холоднаго зимняго вечера превращалъ маленькое, теплое человѣческое тѣло въ холодный твердый камень.

И тамъ гдѣ прошли живыя цѣпи, на оскверненной бѣлой пеленѣ лежали эти камни, памятники отлетѣвшей жизни, и черты ихъ синихъ замерзшихъ лицъ были не тѣ. Синева мѣняла ихъ очертанія.

На слѣдующій день прибылъ первый транспортъ раненыхъ—онъ попалъ въ Сухудыпу случайно,—сбившись съ дороги. Начальникъ былъ радостно изумленъ, найдя два совершенно свободныхъ госпиталя, а мы жадно подѣлили раненыхъ и принялись за работу. Въ этомъ небольшомъ количествѣ доставшихся на нашу долю искалѣченныхъ людей была жгучая обида.

Работали мы даромъ! Все пройдетъ мимо насъ! Мы лишние!...

Но вечеромъ дошли слухи, что по темнымъ дорогамъ, со всѣхъ сторонъ движатся къ намъ длинныя вереницы повозокъ, наполненныхъ полуживыми людьми. Говорили о томъ, что всѣ сосѣдніе госпитали завалены ранеными, не хватаетъ мѣстъ и рукъ...

Мы стали напряженно ждать, вывѣсили фонари у око-

лицы деревни, выходили въ бѣлое поле и въ темнотѣ на-
двигающейся почти жадно ловили звуки движенія обозовъ...
Тихо... Неужели и они пройдутъ мимо?!..

Глубокою ночью ожилъ нашъ госпиталь.

Забѣгали по деревнѣ огни фонарей; ровными, бѣлыми, мато-
выми квадратами засвѣтились широкія окна фанзъ. Тишину
почти разорвали крики, трескъ повозокъ, удары кнутовъ.

Суета, путаница, неразлучныя съ ночью!..

А повозки, двуколки все шли, шли—и наконецъ запру-
дили темныя улицы деревни.

Воцарился хаосъ.—Перепутались повозки. Свободныя мѣ-
шали подходить не снявшимъ съ себя свой страшный грузъ.
Легко раненые сами вылѣзали, блуждали по фанзамъ и
ложились, гдѣ находили мѣсто, а люди, лишенные возмож-
ности подняться и двинуться, лежали на морозѣ и жалобно
стонали сквозь зубы.

— „Хо-о-о-лодно“!

— „Возьмите, возьмите меня—ознобился“!

Изъ подъ холщевыхъ навѣсовъ двуколокъ неслись про-
клятья и ругань.

„Вотъ ужъ часъ, кричалъ одинъ: смотрю на фанзу—и
не берете. Возьмите же меня, ироды, вѣдь замерзну“!

Фанзы наполнились. И несмотря на страданія, переко-
сившія лица—какъ сладостно отогрѣвались люди въ теплѣ,
какъ жадно пили горячій чай! Говорили тихо, подавленно...
А тѣ, у которыхъ боль достигала до непонятныхъ намъ
размѣровъ, каждое дыханіе которыхъ было непрерывною
острою мукой; эти люди—нѣтъ!—страданія, принявшія образъ
тѣлъ, лежали на носилкахъ и койкахъ, глядѣли въ темный
потолокъ, выли жалобно, жутко выкрикивали...

Операционная работала. Къ ея порогу подносили все но-
выхъ и новыхъ... Между бѣлыми халатами врачей и сестеръ
въ бѣлой сіяющей комнатѣ, темныя пятна страдающихъ
людей; темныя, грязныя тѣла.

Работали всю ночь. Утромъ былъ поданъ поѣздъ; при-
казали какъ можно скорѣе освободить госпиталь для пріема
новыхъ партій. Мы погрузили большинство раненыхъ, пере-
вязанныхъ за ночь, накормленныхъ утромъ.

Поле было тише, выстрѣлы рѣже и дальше. Приходили новыя партіи, мы работали и не замѣтили, какъ бой замолкъ.

Вечеромъ прибыло много легко раненныхъ; всѣ они были перевязаны.

Едва успѣли накормить, какъ получили приказаніе посадить ихъ сейчасъ же въ проходящій поѣздъ. Онъ стоялъ на развѣздѣ передъ деревней въ пустомъ, вечерѣющемъ, морозномъ полѣ и казался огромнымъ. Мѣстъ было мало, всѣ вагоны были переполнены, по начальство требовало, чтобы наша партія была посажена. Долго тянулася посадка; люди стояли покорно и зябли. Раненые уже посаженные въ товарные вагоны не открывали дверей, боясь лишиться дорогого тепла. Приходилось чуть не силой, подъ крѣпкую ругань солдатъ, открывать каждый вагонъ, чтобы помѣстить въ немъ еще нѣсколько человѣкъ.

Раненые, еще не посаженные въ поѣздъ, были робки и апатичны, лица ихъ выражали полнѣйшее безразличіе, словно все уже кончено.

Они бросали на пашню свои ружья, шашки, подсумки—все, что отягощало ихъ.

Наконецъ послѣдній былъ помѣщенъ. Поѣздъ тронулся, и мы начали собирать по полю ружья, патроны и шашки тѣхъ, кому онъ не нужны болѣе.

Проходящіе говорили намъ, что убитыхъ и раненыхъ много, что одинъ корпусъ выбылъ изъ строя, что войска наши далеко ушли впередъ.

„Дорогою цѣною купили мы этотъ успѣхъ“!

Но поле молчало и тишина его была подозрительна.

На слѣдующій день прибыли еще небольшія партіи, а дня черезъ два или три работа кончилась, скончавшихся—похоронили, перевязанныхъ—отправили въ тылъ.

Вереница поѣздовъ и транспортовъ прошла и наступила тишина, изрѣдка прерываемая далекими орудійными выстрѣлами.

И узнали мы, что наши отступили, генералы переругались и командующій, самовольно покинувъ нашу армію, уѣхалъ въ Петербургъ, что бой безсмысленно сорвался, а тѣ

несчастные, которымъ мы оказали пріютъ и помощь—были жертвами вопіющей „ошибки“.

Они довѣрчиво проливали свою кровь, чтобы еще разъ выказать міру все убожество мысли и знанія своихъ предводителей, забывшихъ на теплыхъ мѣстахъ азбуку военнаго дѣла; забывшихъ, что они выѣхали не на уморительные маневры для старыхъ генераловъ, а на бой со врагомъ.

Играли въ солдатики!!...

Жестокая судьба! Эти искалѣченные люди—были ошибки, страдающія ошибки!

И ужасъ охватилъ насъ и мы спрашивали другъ друга— „что-жь это такое?“

Но отвѣта не находили.

Тихо зажили мы въ своей деревнѣ—словно на хуторѣ. Работы не было, но мы готовились къ ней, улучшали фанзы, чистили деревню, поставили юрты, возобновляли запасы продуктовъ.

По вечерамъ, за ужиномъ всѣ собирались вокругъ стола. Появилась гитара. Пѣли пѣсни далекой родины, печальные романсы.

Но бой у Сандену оставилъ глубокой слѣдъ. И въ нашихъ словахъ и дѣйствіяхъ была новая печаль. Мы почувствовали, что мы обречены...

Часто ѣздили по окрестностямъ. Всюду стояли войска, мимо насъ проходили новыя части, только что прибывшія изъ Россіи—и черезъ мѣсяцъ не было замѣтно бреши, оставленной преступнымъ боемъ у Сандену.

О ней говорили лишь тихія кладбища, разбитыя тамъ и сямъ за околицами деревень, воспоминанія и та печаль, что выросла въ душѣ, печаль обреченности.

Я часто ѣздилъ въ Мукденъ. Онъ былъ красивъ въ это время: съдой Китай праздновалъ день своего рожденія—новый годъ *).

Онъ разукрасилъ свои улицы феерическими башнями, фонарями, превратилъ магазины въ храмы, зажегъ массы свѣ-

*) Въ Китаѣ не празднуется день рожденія человѣка. Общимъ днемъ рожденія всѣхъ считается новый годъ.

чей и курительныхъ палочекъ своимъ богамъ, надѣль праздничныя одежды, волноваль многолюдныя улицы пышнымъ роємъ процессій, шумными дикими завываніями оркестровъ.

И глядя на радостныя краски и мишуру, на торжественное празднованіе наступленія новаго года—такого же, какъ прошлый и будущій—я думаль о томъ, какъ великъ, какъ могучъ Китай. Не шелохнется его масса—чуждыми насъ волнами льется его жизнь!

Какъ ничтожна наша борьба—передъ его покоемъ! Вотъ издали глухо доносятся орудійные выстрѣлы и тухнуть въ ликующей толпѣ, катящейся по улицъ за нарядной процессіей... Какъ странно! Тамъ такая яркая кровь... Здѣсь такая яркая радость!..

Возвращаясь вечеромъ въ свой кружекъ, обвѣянный печальми—я рассказываль какъ пышно празднуетъ Китай день своего рожденія и мои рассказы казались странными.

Я говорилъ о другомъ мірѣ.

Мы продолжали жить мелкими радостями и печальми маленькой семьи, готовые для будущаго и мало думая о немъ.

Далеко на сѣверѣ, возлѣ Гунчжулина, кавалерійскій отрядъ непріятеля разрушилъ мостъ и прерваль желѣзнодорожное сообщеніе. Ждали дальнѣйшихъ кавалерійскихъ нападеній, а потому нашу деревню, въ которой помѣщались артиллерійскіе и интендантскіе склады—усиленно охраняли.

Еще лѣтомъ она была укрѣплена окопами, и теперь ночью мы были окружены заставами, расположенными у всѣхъ выходовъ изъ деревни и разрывовъ окоповъ.

По вечерамъ, окончивъ дневныя работы—мы часто бродили по окраинѣ деревни.

Въ сумракѣ холодныхъ вечеровъ тянулись черныя стволы деревьевъ. Тонкія вѣтви повисли въ холодѣ. Стояла тишина. Жизнь замирала. Мы бродили молча.

Изогнутыя крыши китайскихъ фанзъ темными, неподвижными пятнами стояли вокругъ насъ въ густѣющемъ мракѣ. Вдали по межамъ также тянулись деревья и теплыя краски стирались и меркли въ тусклѣющемъ небѣ.

На горизонтѣ между вѣтками, рвутся шрапнели. Не слышно выстрѣловъ, но виденъ яркій блескъ разрывовъ...

Словно ракеты!

Что дѣлается тамъ?

Но на душѣ спокойно. Вопросъ о смерти стерть — она проста. Проста какъ эта ночь безъ красокъ, безъ очертаній, призраковъ... А жизнь?

Да—жизнь прекрасна! Въ глубинѣ души растутъ цвѣты не созданныхъ твореній, тамъ замыслы кипятъ.. Волшебныя стеланья нездѣшней музыки несутъ густыя волны любви къ подножью счастья...

Какъ хорошо изъ мрака этой ночи смотрѣть на прошлое—оно тепло... И неужель застынетъ какъ эта твердая, безмолвная земля, моя мечта—и самъ я превращусь въ холодный, синий камень?!

Тихо... Тамъ—вдали межъ вѣтками блестятъ шрапнели. Какъ помню я всѣ эти вечера!

Да—счастье блещитъ такъ часто въ кровавой оправѣ!

Но что же дальше? Скоро ли новая волна?

Кинетъ ли она насъ впередъ, броситъ ли назадъ?

Можетъ быть, мы ее и не почувствуемъ?!

Долженъ быть бой, скоро, на-дняхъ!

Слова завоюетъ поле, снова польется кровь и будетъ литься, литься! Будетъ много, много крови. Будетъ страшный бой, предъ которымъ все прошедшее—шутка. Онъ будетъ и безъ вопроса „зачѣмъ?“

Мы чувствовали это и въ глубинѣ души твердили „скорѣй, скорѣй конецъ!“... Мы чувствовали себя обреченными.

Чаще стали бороздить пустое поле ординарцы, развозя приказанія, замѣчалась суета, торопливость, предшествующая бою.

Но видно было, что волна поднимается съ другой стороны, что мы готовимся принять ее.

VI.

Начало Мукденскаго боя. Бой на правомъ флангѣ.

И вотъ—во мракѣ ночи зажглась комета Мукденскаго боя. Громадный прожекторъ острымъ лучемъ свѣта въ черной мглѣ настойчиво искалъ врага. Въ свѣтлой полосѣ рвались далекія шрапнели.

Этотъ неуспынный, бодрствующій среди ночи зоркій глазъ, глазъ острымъ клиномъ свѣта прорѣзавшій тьму, безпокойный и ищущій, былъ страшенъ, вѣщалъ о кровавомъ началѣ.

Мы смотрѣли на его быстрыя движенія, знали, что близко начало и жили, пассивно отдаваясь времени...

Началось!..

Тихими, далекими, вялыми раскатами орудійнаго огня на далекомъ правомъ флангѣ начался Мукденскій бой. Еще доходили его звуки.

Тихо, медленно, въ полномъ порядкѣ прошли мимо насъ въ тылъ первые обозы; имъ было опасно оставаться вблизи своихъ частей и они отходили, чтобы остановиться по близости.

Былъ ясный, теплый день. Столбы пыли, поднятые движеніемъ, стояли въ воздухѣ. Нашъ госпиталь былъ пустъ и мы, свободные отъ работы, стояли возлѣ своихъ фанзъ и смотрѣли на проходящія мимо вереницы повозокъ.

А ночью снова зажегся недремлющій глазъ; вдали между вѣтками рвались шрапнели.

Встало солнце. Обозы продолжали двигаться на сѣверъ

спокойною массою. Поднялся сильный вѣтеръ, понесъ сѣрою пеленою пыль и изъ ея мутнаго потока непрерывною lento выплывали новые и новые ряды повозокъ. Холодно стало. Обозы шли быстрѣе, раздался крики, ругательства, въ лавинѣ родилось нетерпѣніе.

Орудійная пальба приблизилась, стала доноситься съ сѣвера, ея звуки летѣли къ намъ изъ за Хун-хэ, съ той стороны, гдѣ были заросли, по которымъ мы часто бродили.

И все ближе, ближе. Слышенъ протяжный вой одиночныхъ полетовъ.

Обозы двинулись быстрѣе; въ нихъ росла торопливость; ругань стала громче; сильнѣе свистѣли хлысты—и какъ бы въ отвѣтъ до насъ добѣжала волна мелкой дроби далекаго ружейнаго огня, залпы и вой пулеметовъ.

Отступаютъ...

Когда солнце склонилось къ западу загорѣлось интенданство въ Айдяну. Яркое пламя трещало и жрало длинныя скруды соломы. Черный дымъ несся по полю...

Вотъ вспыхнулъ другой интендантскій складъ. Обозы идутъ, суетливо обгоняя другъ друга, путая движеніе.

Дошелъ темный слухъ, что въ заросляхъ за рѣкою появились непріятельскіе разъѣзды.

Кругомъ идетъ канонада.

Неужели окружаютъ?

Намъ велѣли приготовиться къ отступленію, грузить свои повозки, собираться, но не уходить до приказа.

Спѣшно началась выноска госпитальнаго скарба изъ устроенныхъ фанзъ, нагрузка на пустыя повозки.

Въ одномъ изъ дворовъ стоялъ большой бѣлый шатеръ. Теперь его разбирали. Громадное полотнище, подхваченное вѣтромъ, колыхалось какъ бѣлое знамя. Люди медленно опускали шатеръ на землю, онъ падалъ огромный и бѣлый, сворачиваясь широкими мягкими складками. Подъ нимъ обнажилось большое, ничѣмъ не занятое, гладко выметенное пространство. И въ нападѣи этаго большого бѣлаго холста, и въ этомъ пустомъ чистомъ четырехугольникѣ, неожиданно обнаженномъ—было что-то невыносимо горькое и печальное.

Гонять насъ... Отступаемъ.

Выкатили возы; приготовили лошадей. Темно стало.

Въ полѣ передъ деревней безпорядочный таборъ обозовъ, запрудившихъ другъ другу путь. Дуетъ холодный вѣтеръ.

Люди таскаютъ пучки гаолина, складываютъ въ костры, грѣются. А вдали красными факелами пылаютъ интендантскіе склады.

И вотъ—изъ этой лавины обозовъ, столпившихся въ полѣ, запрудившихъ улицы нашей деревни—выплыть транспортъ раненыхъ.

— „Принимайте сейчасъ-же!“

Одна за другою подходятъ къ перевязочной двуколки. Въ нихъ лежатъ раненые за этотъ день. Мы вынимаемъ ихъ, носимъ въ фанзы, вытаскиваемъ изъ повозокъ только что уложенныя вещи.

А двуколки все подходятъ, подходятъ. Ихъ много въ этой темнотѣ, въ этой массѣ обозовъ. Вся деревня сегодня будетъ завалена ранеными.

Бой идетъ, разгорается, онъ не молкнетъ и ночью—вонъ какъ рвутся шрапнели! Кисти голубыя!!

И ружейный огонь волнами доноситъ вѣтеръ. Да — во тьмѣ этой ночи будетъ литься кровь—такъ должно быть!

И нѣтъ въ душѣ теплоты! Злость упорная, дикая душисть...

— „Да вынимай, вынимай скорѣе!!“

— „Стой, Ваше Благородіе, да онъ викакъ померъ?!“

— „Кто померъ?“

— „Да вотъ этотъ. Какъ ѣхали—все пить просилъ, а потомъ, значить, померъ“.

— „Да ты одного что-ли привезъ?“

Просовываемъ фонарь въ глубокую темную дыру повозки.

— „Ей! Землякъ! А ты-то живъ? кричитъ возница.“

— „Жи-и-ивъ!..“ раздается оттуда слово, похожее на стонъ.

И мы вынимаемъ живого, а потомъ мертвого.

...Хотѣлъ пить—а ему не дали—и вотъ онъ теперь смѣется, глядя на наши фонари.

Гримаса страданія перекосила лицо, по немъ бѣгаютъ желтыя пятна свѣта фонарей. Онъ глядитъ мутными глазами—и смѣется...

— „Трогай впередъ! Слѣдующій!!“

Одна за другою подходятъ повозки. Много, много ихъ въ темнотѣ...

Дуетъ вѣтеръ холодный, морозный.

„Хо-о-лодно!“ стонуть въ повозкахъ... „У-у-у...“

А вѣтеръ такъ и сушить, такъ и знобить... И наполняются фанзы, работаетъ перевязочная.

Снова между бѣлыми халатами врачей и сестеръ — темныя пятна грязныхъ страдающихъ тѣлъ. Раны теперь свѣжія. Льется кровь. О! Теперь долго будетъ литься она!

Такъ продолжалось всю ночь. Утромъ, когда забрезжило—заснулъ гдѣ-то. Скоро разбудили:--„Зоветъ генераль“.

Пошли къ нему. Онъ и не думалъ звать. Чиновники, толпящіеся на дворѣ спрашиваютъ:

— „Что же дальше будемъ дѣлать?“

А меня преслѣдуетъ мысль: — какъ вывезти больныхъ и эту массу имущества?..

Раненые шли всю ночь, ихъ подвозятъ и теперь. Они лежать на канахъ, на полу. Спать, стонуть. На носилкахъ—тѣ, часы которыхъ сочтены.

Одинъ бородатый, огромный солдатъ... (помню у него были русые волосы и синіе, большіе глаза) раненый въ животъ, схватилъ меня за руку, когда я проходилъ мимо его носилокъ.

— „Баринъ мой милый, помоги мнѣ, помоги... Вѣдь нельзя же такъ... Помоги мнѣ... Такая мука!.. помоги мнѣ, мой милый...“

Ему помогла... смерть. Онъ черезъ часъ умеръ. Бѣдный рабъ!

Бой заходитъ все глубже и глубже на сѣверъ. Окружаютъ насъ.

Обозы прошли. Дороги свободны. Кое гдѣ тянется вереница зарядныхъ ящиковъ.

Дуетъ вѣтеръ, вертитъ мелкіе кусочки прошлогодняго гаюлина, они носятся въ воздухѣ.

Всюду сорь.

Деревня опустѣла, никого въ ней нѣтъ, кромѣ нашего госпиталя. И этотъ всюду разбросанный сорь напоминаетъ оставляемую квартиру.

Въ полдень выстрѣлы смолкли.

Настала тишина. Кормимъ нашихъ раненыхъ. Перевязочная истерично работаетъ.

Но такъ ясно чувствуется, какъ кругомъ и въ душѣ пустыѣть, уходить... умираеть...

Китайцы выѣзжали изъ своихъ норъ. Я и не зналъ, что ихъ такъ много въ нашей деревнѣ! Они толпятся, заглядываютъ въ фанзы, бродятъ по дворамъ, выходятъ за околицу и смотреть на встрѣчу... Они знаютъ!.. Отлично знаютъ!..

Появились казаки. Ихъ лошади переполнили свободные дворы, стоятъ привязанныя къ деревьямъ, жуютъ кормъ.

Въ нашихъ фанзахъ на нашихъ канахъ лежатъ незнакомые офицеры и спятъ:—устали.

Я шелъ по пустынной улицѣ. Неожиданно сбоку воююще, неудержимо быстрою волною пролетѣло что то огромное, жалобно мякнуло и рвануло неподалеку. Во всѣ стороны полетѣли казаки—смотреть, гдѣ упалъ снарядъ.

Я шелъ по пустынной улицѣ, вѣтеръ гналъ передо мною пыль, вертѣлъ сорь... И такъ просто казалось умереть, и я ждалъ второй гудящей волны...

Раненыхъ накормили. Надо что нибудь съѣсть. За нашимъ обѣденнымъ столомъ — сидѣлъ только одинъ врачъ. Его старое лицо было блѣдно, глаза, не спавшіе, блестяли.

Онъ ѣлъ холодныя котлеты. На столѣ стояли еще анчоусы, пиво.

Я не успѣлъ пообѣдать—прибѣжалъ посыльный.

— „Приказано сейчасъ-же отправить раненыхъ и выйти изъ деревни“.

На разъѣздѣ стоялъ пустой товарный поѣздъ — черпѣли пустыя пасти вагоновъ.

Торопливо собирались раненые. Носилокъ и носильщиковъ не хватало, а потому, кто имѣлъ малѣйшую возможность и силы шелъ къ поѣзду самъ, вылъ по дорогѣ отъ боли, или прыгалъ на одной ногѣ, обнявъ товарища.

Кто не въ состояніи былъ двинуться, тотъ терпѣливо лежалъ на носилкахъ на морозѣ...

Обвѣвала холодная пыль!..

Скоро мы переполнили утробы вагоновъ... Пасты закрылись. Поѣздъ пыхтя ушелъ въ даль... Но онъ захватилъ не всѣхъ раненыхъ, остальныхъ мы передали арбяному транспорту... Онъ медленно повлекъ ихъ по морозу въ Мукденъ. Начали собираться.

Солнце садилось за пыльною тучей; востокъ потемнѣлъ. Мы покидали Сухудяпу. Китайскій старшина — владѣлецъ нашей фанзы, нѣжно прощался съ нами, пожимая наши руки, лопоча на своемъ гортанномъ нарѣчіи напутственныя пожеланія.

Тронулись.

Вновь загрохотала длинная вереница воевъ по той дорогѣ, по которой мы еще недавно пріѣхали сюда изъ Мукдена.

А бой рокоталъ вокругъ насъ.

Нависли въ синѣющемъ сумракѣ голубыя грозди шрапнелей, отовсюду несутся звуки выстрѣловъ, топота, бряцанья тяжелыхъ орудій, желѣзныхъ ходовъ.

Вотъ пыхтя обгоняетъ насъ поѣздъ—онъ весь изъ платформъ—на нихъ безпорядочно набросаны груды ящиковъ.

А! Это снаряды увозятъ! Въ полѣ противъ насъ былъ артиллерійскій складъ...

Успѣютъ ли?!..

Первыя повозки уперлись въ длинный рядъ зарядныхъ ящиковъ. Остановились.

Прямо по пашнѣ несется группа всадниковъ. Надъ нею колышется флагъ.

— „Командующій!“

Они остановились на холмикѣ. На фонѣ синяго сумрака черными силуэтами вырисовались недвижныя фигуры. Долго стояли. Онъ отдавалъ приказанія.

Потомъ разомъ шесть или семь всадниковъ вырвались изъ группы, помчались карьеромъ въ разныя стороны. Оставшіеся съѣхали съ пригорка и двинулись по дорогѣ.

Жутко стало.

Вѣтеръ стихъ. Сѣло солнце, окрасивъ краснымъ полымемъ западъ. На кровавомъ заревѣ клубились черные дымы горящихъ интендантствъ.

— Вотъ загорѣлось и интендантство нашей деревни.

Артиллерія, прикрытая черными массами пѣхоты, разставляетъ свои орудія. Мы проходимъ сквозь пѣхотные ряды, мимо баталіоновъ, занявшихъ черными квадратами сѣрое поле.

Втиснулись въ рядъ обозовъ. Повернули по знакомой дорогѣ, по которой такъ часто ѣздили въ Мукденъ...

Быстро темнѣетъ. Сначала все стало синимъ, потомъ — глубокій мракъ съ яркими звѣздами, золотыми заплатами костровъ и пожаровъ.

Началась канонада оставленнаго Сухудяпу... Темно. Дорога сворачиваетъ. Направленіе движенія становится непонятнымъ, запутаннымъ. Яркія пятна костровъ и пожаровъ сгущаютъ мракъ. Опять переднія повозки уперлись въ невидимые обозы. Остановились. Стоимъ и смотримъ какъ тамъ, откуда мы только что ушли, рвутся снаряды. Тамъ что то загорается, а лѣвѣе деревни, за пригоркомъ вырываются багровые шары.—Они рвутся вверхъ, но тотчасъ же опускаются, словно придавленные мракомъ, непонятные, зловѣщіе— и тухнуть, освѣщая багровымъ свѣтомъ низъ равнины.

И вдругъ громадный, золотой репейникъ выросъ надъ нашей деревней. Высоко взвился онъ, высоко раскинулъ въ стороны разорванные, острые листья. Багровымъ, невиданнымъ свѣтомъ озарилъ онъ громадную равнину, выкинулъ бѣшеный вихрь искръ въ пустое небо.

И погасъ.

И во мракъ могучими раскатами прозвучали аккорды потрясающихъ взрывовъ.

Это — взорвали складъ не вывезенныхъ изъ Сухудяпу артиллерійскихъ снарядовъ.

Снова мракъ, а кругомъ огни пожаровъ и зарева — по нимъ идутъ трафареты деревьевъ, головы движущейся толпы, лѣса ружей. Скачутъ по огнямъ и заревамъ черные силуэты всадниковъ, несутся вереницы орудій... Мелькаютъ маленькія, черныя фигурки людей.

Вой снарядовъ и блескъ разрывовъ такъ идутъ къ этой

проклятой ночи!!.. а тамъ далеко, справа — ласковыми, на-смѣшливыми, голубыми блесками разрываются тонкія зарницы шрапнелей... А вотъ и ружейная пальба, она трещитъ кругомъ.

Мы попадаемъ въ отступающую пѣхотную часть. Она, очевидно, разбита... Люди еле бредутъ, шатаясь... Иногда изъ небрежно закинутой на плечо винтовки вырывается неожиданнй выстрѣлъ.

Холодно. Все больше и больше костровъ зажигается, у ихъ огней грѣются... Въ темнотѣ — крики, въ темнотѣ ругаются неистово. Не понимаютъ куда идти... Заблудились...

Куда мы идемъ? Не узнаю дороги!.. Непонятно... Мы топчемъ консервы, идемъ по банкамъ молока, по разбитымъ ящикамъ, по разбросаннымъ стогамъ соломы... Опять остановились между двумя темными заборами.

Гдѣ мы? Проѣхалъ впередъ...

А! Узнаю! Сейчасъ будетъ ровъ. Тотъ самый ровъ, гдѣ мы опрокинули нѣсколько повозокъ днемъ при походѣ въ Сухудяпу. Какъ же перейти его въ этой страшной темнотѣ!?

Такъ и есть!

Переднія повозки уже ринулись въ яму! Опрокинулись, загородили дорогу! Экая досада! Всѣмъ загородили дорогу!!

— „Сто-о-ой!!!“

Нѣтъ фонарей. Хоть глазъ выколи!! Нельзя разобраться. Гдѣ люди? Они куда-то скрылись. Ушли. Возлѣ возовъ — одинъ, два человѣка.

Всѣ проходить мимо.

— „Кто ты такой?“ спрашиваю проходящую во мракѣ темную фигуру.

— „Чужой человѣкъ“ и спокойно проходить.

Нашли наконецъ маленькій карманный электрическій фонарикъ. Ну — насилу-то! Поднимаемъ кое-какъ повозки. Лошади цѣлы. Изъ темноты подходятъ люди.

Спускаемъ на рукахъ послѣдніе возы.

— Проѣхали!.. Всѣ цѣлы.

— „Стой!“ гдѣ же еще три повозки и быки? Куда они

ушли? Отстали, или впереди? Никто не знает!—Гдѣ нибудь тутъ—въ темнотѣ. Развѣ найдешь?

— „Впередъ!“

Снова остановились въ ложбинѣ у Мадяпу. Но какъ холодно! Да—я забылъ одѣться: не надѣлъ ничего теплаго, такъ въ шинели и поѣхалъ, а морозъ сильный! Погрѣться у костра! Кстати—стоимъ. Свѣтло возлѣ огня, тепло. А кругомъ такъ темно, такъ холодно!

Всѣ навѣрно пойдутъ прямо, а мы пойдемъ направо—тутъ есть дорога по берегу Хун-хэ. По ней мы шли изъ Мукдена.—И дожидаться у моста теперь не надо, по льду перейдемъ. Двинулись.

Да—такъ и есть!—Всѣ пошли на Мадяпу. Все селеніе блещетъ огнями костровъ. Сзади него такъ и полыхаютъ длинные интендантскіе склады. Свернули по темной дорогѣ направо. На ней тихо. Впереди два-три обоза. Но какъ холодно! Невозможно ѣхать верхомъ. Спать хочется. Какъ бы прилечь?

... Шатаюсь въ сѣдлѣ и мерзну...

А—вотъ и свѣтлая полоска. Свѣтаетъ!! Огни не такъ ярки—не слѣпятъ. Золотыя искры таютъ въ предразсвѣтной холодной синевѣ.

За нами шумъ далекихъ выстрѣловъ; гулъ далекаго движенія; дымы пожаровъ.

Направо у Путиловской сопки блещутъ шрапнели.

Спускаемся къ Хун-хэ. Переходимъ ее по ледяному покрову. Скрипятъ колеса, скользи по подернутому инеемъ льду.

Не хватаетъ трехъ повозокъ и скота. Теперь видно. Гдѣ они? Пропали, вѣрно... Люди съежась дремлютъ на козлахъ, идутъ сбоку подпрыгивая, кутаясь въ промерзлые башлыки... Холодно... До Мукдена шесть верстъ.

Справа высокая, ровная линія желѣзно-дорожной насыпи. По ея гребню на посвѣтлѣвшемъ небѣ востока черными силуэтами одинъ за другимъ тяжело громыкая проходить поѣзда.

Простые товарные поѣзда. Но меня не обманешь! Это не простые поѣзда... везутъ они, какъ товаръ, груды изранен-

ныхъ человѣческихъ тѣлъ. Лежать другъ на другѣ, придавленные, сжатые... Стонетъ внутри этихъ ящиковъ страшный товаръ...

Принимайте!..

Но вотъ и этапъ, вотъ нашъ старый госпиталь. Попросимъ гостепріимства у сосѣдей. Стучите, будите — скажите имъ, что мы пріѣхали, просимъ пріюта!

Заснуть бы!..

VII.

Послѣдніе дни Мукденскаго боя.

Но будить было не за чѣмъ: госпиталь работалъ. Онъ не спалъ уже много почей, былъ заваленъ ранеными. Они лежали на кроватяхъ, между ними, на посылкахъ въ проходахъ, на полу, застланномъ гаолянномъ и циновками. Мѣсть не было, а транспорты искалѣченныхъ людей подходили одинъ за другимъ.

Я заснулъ на чужой постели въ комнатѣ врачей.—Разбудили. Приказали немедленно сформировать летучій отрядъ, снабдить его всѣмъ необходимымъ для работы и послать впередъ къ мѣсту боя.

Поѣхалъ въ Мукденъ закупать продукты. Теперь на улицахъ мало нашихъ повозокъ, мало русскихъ—все желтолицые. Но какъ зашевелился китайскій муравейникъ! Къ вокзалу — къ центру, отъ котораго расходятся во всѣ стороны приказанія главнокомандующаго, гдѣ бьется сердце арміи—идутъ нерѣшительно громадныя толпы китайцевъ. Черною лентою стоятъ они на стѣнахъ города, на пригоркахъ чернятъ ихъ скопища, усяли крыши.

Они смотрятъ вдаль—туда, откуда несется вихрь боя и ждуть. Они улыбаются. Говорятъ спокойно. Они знаютъ. Прекрасно знаютъ!..

Вернулся въ госпиталь; отправленіе летучаго отряда назначили на завтра. Врачи и сестры, отдохнувъ за день, работаютъ—помогаютъ товарищамъ.

Снова легъ на чужую постель и заснулъ мертвымъ сномъ. И все вертѣлась передо мною какая-то курсистка. Она вертѣлась, взмахивая своими стриженными волосами и кричала мнѣ въ лицо.—„А у васъ всѣ умерли! Всѣ умерли!! Я знаю. Я вѣдь была на похоронахъ! Да, да! Была на похоронахъ...“

Проснувшись, пошелъ формировать отрядъ. Я собирался самъ отправиться съ нимъ, но вечеромъ приказали остаться.

— „Можетъ быть здѣсь придется работать“. А бой шелъ по всей линіи: на сѣверѣ, на западѣ и на югѣ... только востокъ молчалъ.

Всѣ работаютъ, а мои люди лежатъ и ничего не дѣлаютъ. Возлѣ землянокъ, гдѣ они устроились, длинною черною полоскою вытянулся рядъ нашихъ повозокъ. Сзади повозокъ—лошади. Все готово къ работѣ, къ движенію, а мы стоимъ...

По песчаной площади вокругъ насъ бѣгаютъ люди. На вокзалѣ суета: пропускаютъ на сѣверъ поѣзда полумертвыхъ людей. Бродятъ лѣнливо какія-то лишнія фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ. Непонятно: кто они и зачѣмъ здѣсь? Бродятъ, садятся, спятъ...

Возлѣ платформы огороженъ цинковками квадратъ, въ немъ наскоро настланы изъ старыхъ досокъ нары, на нихъ свалены трупы, накрытые шинелями, китайскими халатами.

Подходятъ живые люди, поднимаютъ съ лицъ сѣрые покровы, заглядываютъ въ незакрытые глаза и отходятъ равнодушно.

Смерть такъ проста здѣсь, — какъ эти трупы холодные, мерзлые.

А бой идетъ.—Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ насъ шрапнели сразу срываютъ сотни дыханій. Груды труповъ валятся на твердую землю.

И нѣтъ красоты, нѣтъ алчнаго размаха силы, дающаго побѣду. Пустота безсилія.

Хочется самому пассивно кинуться туда, подѣ широкую косу смерти, кончить жизнь жестокою глупостью, рожденною ужасомъ и безсиліемъ...

И еле-еле сквозь этотъ холодъ и пустоту прорываются

когда-то звучавшія слова, сквозь пыль dalej мерцают добрые глаза... умоляют...

Бредъ это—или правда?!

Развѣ можно говорить здѣсь о бредѣ?!

Одинъ изъ товарищей заболѣлъ. Мы провожали его на поѣздъ. Онъ уѣзжалъ въ Харбинъ, а намъ казалось, что онъ ѣдетъ на родину и теплою тихою волною мира охватила насъ разлука.

Счастливы онъ! — Неужели когда нибудь отойдетъ мой поѣздъ?!

Да—побѣды не будетъ!

Неужели эти равнодушные, сѣрые люди куютъ побѣду или свободу родной землѣ?

Есть ли заслуга умереть?

Вотъ теперь — страданіями, усталостью мы доведены до того предѣла, когда многіе способны идти впередъ, умереть, но развѣ это героизмъ? Развѣ это героизмъ?—Несчастные...

Какъ чувствую я полетъ времени мѣрнаго, холоднаго здѣсь, когда каждая минута смыкаетъ столько жизней, мѣняетъ удачу на бѣгство!..

Какіе длинные этапы страданій проходитъ душа отъ мрака одной ночи къ другой!

Какъ старѣетъ въ жилахъ кровь!

Пользуясь тѣмъ, что мы стоимъ безъ дѣла, я поѣхалъ впередъ—туда, гдѣ льется кровь.

Свѣтитъ яркое солнце. Стоитъ мелкая маньчжурская пыль. Порой поднимаются вихри, вертя соломинки, клочки листьевъ прошлагодняго гаоляна.

Доѣхалъ до бугра среди ровнаго поля и остановился. Смотрю въ даль. Справа отъ меня деревня. Стоящія возлѣ нея деревья задернуты пылью и дымомъ—тамъ начинается пожаръ. И въ этомъ частичномъ мракѣ подъ яркимъ солнцемъ—рвутся шрапнели, шимозы.

Справа и слѣва отъ деревни стоятъ наши батареи и методически, иной разъ торопливо, выкидываютъ въ сизый, дымный сумракъ языки пламени.

Гудящими полосами летятъ снаряды и бѣлыми облачками рвутся вдали надъ запятой непріятелемъ деревнею.

По мерзлomu полю, разлинованному правильными линиями бороздъ, бродятъ въ одиночку, садятся и лежатъ фигуры въ сѣрыхъ шинеляхъ, равнодушныя ко всему.

Кто они? Безумные? Трусы? Измѣнники?—Неизвѣстно.

Вдали проносятся всадники, проходятъ ошестинившіяся полосы войскъ. — И рвущіеся снаряды, шипящія струйки пуль, гулъ движенія, вой пролетовъ, трескъ ружейныхъ выстрѣловъ и дробь пулеметовъ... не нарушаютъ тишины.

Въ мелкихъ перерывахъ между звуками вливается холодное безмолвіе ужаса. Звуки не разрываютъ тишины. Она глядитъ широко съ неба безучастнаго, зимаго и глубока, безконечна!

Бредутъ вереницы искалѣченныхъ, жалкихъ людей съ тихими стопами, поджатыми кровавыми руками, стиснутыми отъ боли губами.

А солнце свѣтитъ на нихъ, жестоко подчеркивая красными пятнами неистовство страданій.

Оно и завтра войдетъ это солнце! И земля будетъ тверда, и небо высоко, и—будетъ бой!

Нѣтъ предѣловъ его жестокости, его равнодушію!

Вернулся въ госпиталь. У входа наткнулся на бронзоваго японца. Опъ лежалъ, оскаливъ зубы, весь въ крови и голый. Вошелъ въ палату. Какъ могутъ вмѣстить стѣны столько ужаса!..

Но самыя невыносимыя страданія гнѣвною рукою оставливаетъ великая избавительница — смерть. Отсюда выйдутъ многіе. Тѣхъ, что умерли адѣсь—забудутъ, прочно забудутъ. А тѣ, что выйдутъ—расплывутся въ массѣ родного народа... Если вернемся домой — будемъ встрѣчать ихъ на улицахъ... Какая жестокость!

Возлѣ перевязочной сидѣлъ одинъ, ожидая очереди. Тебя я не забылъ!

Толстое, распухшее лицо. Голову,—какъ вѣнецъ побѣдители, охватила бѣлая повязка. Изъ подъ нея тонкими выпуклыми струйками прошла по толстымъ щекамъ, по носу—алая кровь и застыла.

Сидитъ окаменѣлый побѣдитель. Ждетъ своей очереди и единственный глазъ его, поднимая кровавое верхнее вѣко, глядитъ удивленно, страдая.

Поехъ къ своему обозу. Лошади мѣрно жуютъ кормъ, отъ нихъ идетъ теплый паръ, запахъ навоза. Странно—точно кругомъ не кипитъ бойня!? Слово дома!?

Заставилъ людей чистить лошадей — запустили. Возлѣ обоза — обтянутая циновками мертвецкая. Стоитъ низенькій священникъ съ бородкою клиномъ, рядомъ съ нимъ дьячекъ. Папаху онъ держитъ подъ мышкой, а голова его обвязана башлыкомъ. Блеститъ на солнцѣ запаянный гробъ, сдѣланный изъ жестянокъ для американскаго керосина, рядомъ съ нимъ два убитыхъ офицера на носилкахъ. Они накрыты ненужными теперь шинелями съ блестящими погонами и пуговицами. Вѣтеръ шевелитъ черныя космы папахъ. Дальше рядъ труповъ солдатъ. Они лежатъ прямо на землѣ.

Священникъ и дьячекъ жалобно поютъ. Ихъ жидкое пѣніе смѣшивается съ жидкимъ дымкомъ изъ кадила, обдаетъ проходящихъ печалью.

Свѣтитъ солнце. Несется пыль. Изъ подъ сѣрыхъ шинелей, покрывшихъ трупы, высовываются головы и одѣтыя въ валенки или голыя ноги.

Проходящіе крестятся, снимаютъ папахи...

Вечеромъ мы собрались въ одной комнатѣ, чтобы рѣшить кой-какіе вопросы. Но сидѣли молча, усталые... Стоить ли говорить?!. Какіе вопросы рѣшать?!. Свѣчка мигала, освѣщая бѣлыя стѣны, въ нихъ были вбиты большіе, толстые гвозди и падающія отъ нихъ на стѣны тѣни, то дѣлались длинными, то короткими.

Такъ ничего и не рѣшили. Разошлись.

На слѣдующій день велѣли открыть госпиталь, поднять флагъ надъ городомъ землянокъ у этапа. Ряды длинныхъ землянокъ, вырытыхъ на плоскомъ мѣстѣ, были похожи на большія могилы.

Къ вечеру обозъ двинулся къ этимъ печальнымъ холмамъ и расположился за ними. Намъ дали 12 землянокъ.

Передъ тѣмъ какъ спуститься въ яму я остановился на порогѣ, прислушиваясь къ близкимъ раскатамъ боя. По красному зареву зари плыли на сѣверъ косяки дикихъ гусей. Плыли спокойно надъ боемъ. Свободныя птицы!

Вошелъ въ землянку. Темно. Во всю длину ея идутъ

стойки.—По бокамъ узкаго прохода земляныя пары, накрытыя тонкимъ слоемъ гаюляна; кое гдѣ положены грязныя протертыя циновки.

По тѣлу поползли вши.

Мы не успѣли осмотрѣть землянки, какъ уже прибыла партія раненыхъ.

Врачей только двое—остальные въ летучемъ отрядѣ. Перевязочной не было—повязки накладывали тамъ, гдѣ легъ раненый.

Потокъ искалѣченныхъ людей, направленный къ намъ, росъ съ каждымъ часомъ.

Цѣлую ночь выгружали мы стонущихъ людей изъ повозокъ. Трудно было вносить въ землянки „тяжелыхъ“ на носилкахъ. Проходъ былъ узокъ и стойки мѣшали. Приходилось наклонять носилки, чтобы протащить. Нѣкоторые... вываливались. Это было страшно.

Мы не раздѣвали прибывавшихъ—они такъ и лежали на грязныхъ циновкахъ. Ихъ было такъ много!—И что могли мы сдѣлать для 600 — 700 раненыхъ? А ихъ все подвозили, они заполняли новыя и новыя землянки.

И въ этихъ темныхъ полу-могилахъ, освѣщенныхъ жидкими желтыми огоньками лампочекъ—метались мы со свѣчами... стараясь хоть что нибудь сдѣлать, путались, забывали, терялись, а изъ темноты пелись стоны, плачи, проклятія, молитвы и вой сквозь стиснутые зубы.

Подъ сѣрыми шинелями, невидимо, у сонныхъ лилась кровь; нѣкоторые во снѣ избавлялись отъ страданій...

Ночь казалась безконечной! Но я зналъ—солнце взойдетъ!

Наступилъ разсвѣтъ, а транспорты все подходили къ намъ и выгружали свой недужный грузъ.

Помню привезли красавца капитана. Осколокъ гранаты пробилъ насквозь его грудь и на новой шинели зіяла красная звѣзда.—Изъ нея торчали разбитыя кости. На пуговицѣ шинели, рядомъ со страшной звѣздой была надѣта записка „Похороните почтеннѣе“.

Забрезжилъ послѣдній день Мукдена. Дулъ съ юга неистовый вѣтеръ, поднимая тучи пыли. Гдѣ-то вставало солнце.

Въ вихряхъ пыли мимо насъ пролетаютъ вереницы чистей; паровозы тревожно режутъ на вокзалѣ; рѣзче хлещутъ снаряды; ближе трескотня ружейнаго огня.

Вѣтеръ дулъ намъ въ лицо: невозможно смотрѣть въ сторону врага—рѣжетъ глаза несущаяся съ бѣшеной силой песочная пыль.

И звуки войны смѣшались съ рѣзкимъ хлопаньемъ дверей, криками заблудившихся, сбитыхъ съ толку, блуждающихъ въ пыльномъ вихрѣ людей, грохотомъ желѣзныхъ ходовъ повозокъ, криками торопящихся паровозовъ.

Утромъ приказали отправить на сѣверъ сестеръ, а самимъ остаться здѣсь и, если нужно будетъ, сдать въ плѣнъ вмѣстѣ съ больными.

Это было совсѣмъ непонятно! Какъ—оставаться?! А обозъ, деньги?

Пошелъ къ инспектору госпиталей.

Мутный пыльный вихрь срываетъ съ хребтовъ землянокъ мелкую мерзлую землю. Она рѣжетъ лицо. Въ пыли наткнулся на сѣрую кучу труповъ, сваленныхъ у землянокъ. Какой-то отрядъ Краснаго Креста спѣшно укладываетъ въ повозки свой скарбъ. Вѣтеръ мѣшаетъ, сбрасываетъ рожи, простыни, засыпаетъ пескомъ подушки.

Снова вереницы труповъ. Всѣ они словно захлебнулись кровью: она хлынула изъ ихъ ртовъ, посовъ, съ силою разбрасывала брызги по лицамъ, покрыла усы, бороды—и застыла.

Насилу нашелъ инспектора. Онъ сидѣлъ въ сарайчикѣ безъ двери. Баракъ, въ которомъ онъ ночевалъ, почему-то сгорѣлъ ночью, бывшіе въ немъ еле спаслись, но это казалось неважнымъ.

Отданное намъ приказаніе было ему неизвѣстно и непонятно. Пошли къ генералу. Онъ жилъ въ томъ госпиталѣ, откуда мы перешли въ землянки; мы застали его въ той комнатѣ съ толстыми гвоздями въ стѣнахъ, гдѣ недавно собирались на свой совѣтъ.

И у него былъ совѣтъ, онъ продолжался долго. Во всѣхъ приказаніяхъ, вопросахъ, отвѣтахъ царил сбивчивость, безтолковщина.

Рѣшено—подождать... Что же дѣлать съ летучимъ от-

рядомъ?—„Не трогайте его—онъ теперь не въ вашемъ распоряженіи“. Ничего не добившись, вышелъ на площадь, знакомую площадь, которую такъ часто пересѣкали въ первые дни прѣзда въ Мукденъ.

Ее теперь не узнаешь: ее не видно. Пыльная буря несется, рѣжетъ глаза.

Сбиваясь съ дороги, попадая подъ отступающіе обозы, добрался до своихъ землянокъ.

Въ вырытой ямѣ варили обѣдъ для больныхъ. Пламя, вытянутое вѣтромъ, мчалось подъ котломъ. Въ кипящій супъ сыпался песокъ.

Черезъ 2 часа пришло новое приказаніе: накормиъ больныхъ, перенести ихъ въ ближайшій къ вокзалу госпиталь и быть готовыми къ немедленному отступленію.

Больные были накормлены. Котлы вырыли. Начали носить больныхъ.

Черезъ часъ приказаніе отмѣнено новымъ: „работать до послѣдней минутъ“.

Надо отвезти тѣла скончавшихся къ братской могилѣ. Сложили ихъ на возы—поѣхали. Сбоку повозки кажутся нагруженными кучей тряпья. Изъ сѣрой массы кое-гдѣ высовывается рука, носокъ сапога.

И грузъ этотъ при движеніи повозокъ — трясется. Вотъ лежать груды скорченныхъ и вытянутыхъ тѣлъ... Неужели такъ...

Закроемъ глаза!..

Вернулся. Изъ дальней землянки приближалъ солдатикъ—спрашиваетъ когда будемъ кормить раненныхъ?

— Какихъ раненныхъ? Всѣ накормлены!

— Да ихъ тамъ полная землянка набралась—а чьи они—развѣ разберешь! Третій день не ѣвши.

Котелъ выкопанъ. Пищи нѣтъ. Поѣхалъ на вокзалъ. Лежать груды ящиковъ консервовъ.

— „Чьи консервы?“

— „А Богъ ихъ знаетъ!“

Нагрузили повозку. Подвезъ къ злополучнымъ землянкамъ; начали разогрѣвать жестянки на кострахъ; жадно глотать еле грѣтое.

Служители госпиталя изнемогли. Никого не дозовешься, приказаний не понимают, забывают. Сбились съ ногъ, обезумѣли. Устали...

Вѣтеръ стихъ. Бой совсѣмъ близко. На вокзалѣ торопливо ревутъ паровозы, грохочутъ спѣшно сдѣляемые поѣзда. Все мчится мимо—на сѣверъ. Оставляемъ Мукденъ—это ясно!

Разбиты.. Вечерѣть.

И слухи идутъ—сейчасъ начнется бомбардированіе осадными орудіями. Японцы придвинули ихъ къ Хунхэ. Ночью откроютъ они огонь по вокзалу и нашему городу, осыпятъ ихъ громадными осадными снарядами. Раненые перестали прибывать. Летучій отрядъ вернулся. Люди свалились и спать.

Стемяѣло.

— „Немедленно перенесите больныхъ въ госпиталь, стоящій у вокзала, соберите всѣхъ легко раненыхъ и выступайте на сѣверъ. Скорѣе!—Какъ можно скорѣе!“

Началась суета. Легко раненые, могущіе идти, медленно собирались въ одну землянку; они стекались къ намъ изъ другихъ госпиталей.

Но какъ передать слезы и ужасъ тѣхъ, кого мы переносили къ вокзалу, не брали съ собою?

Всѣ хотѣли идти, идти во что бы то ни стало!

— „Возьмите меня: я дойду, допоздну—только не оставляйте!“

И находились слова утѣшенія!—Мы говорили, что они не останутся, ихъ повезутъ съ первымъ поѣздомъ, что мы дѣлаемъ все для ихъ же блага...

Одинъ, плача, схватилъ меня за руку.

— „Возьмите, возьмите, ради Христа“...

Успокойся—что тебѣ трястись въ повозкѣ.—Поѣздомъ поѣдешь! сказалъ я и въ темнотѣ похлопалъ его по плечу.

Моя рука попала во что-то густое и теплое—въ человеческую кровь.

Опять спѣшная выноска стонущихъ, бредящихъ, умирающихъ. Носилки наклонять приходится—стойки мѣшаютъ, въ

проходахъ тѣсно. Людей не хватаетъ. Изнемогли отъ нисилокъ, отъ безсонныхъ ночей—шатаются, валятся..

Наконецъ послѣднихъ отправили. Разбудили заснувшихъ легко раненыхъ.

Черною лентою двинулась вереница повозокъ по мерзлой дорогѣ.

VIII.

Бѣгство.

Темная ночь—такая же какъ та, когда насъ гнали изъ Сухудяпу. Костры кругомъ и зарева, какъ пятна золотыя, рѣжутъ мракъ, и въ темнотѣ ругаются и кричатъ люди—и кричатъ паровозы, заглушая человѣческіе голоса. Толкотня, стукъ, трескъ повозокъ... По знакомой дорогѣ идемъ мы къ стѣнамъ стараго Мукдена. Вотъ и глиняныя ворота—здѣсь надо сворачивать на Мандаринскую дорогу, но масса обозовъ тянется уже по ней: нужно ждать очереди.

Ничего не разберешь въ темнотѣ, а тутъ еще впереди дышло сломалось. Стоимъ—пельзя двинуться. Сзади ругаются, что загородили дорогу, пытаются объѣхать, путаютъ очередь, увеличиваютъ давку.

И только когда забрезжили востокъ—двинулись мы по дорогѣ вдоль древнихъ глиняныхъ стѣнъ. Онѣ стали выше: ихъ гребень былъ черенъ—на стѣнахъ стоялъ народъ.

Городъ прервалъ свою обычную жизнь, высыпалъ на стѣны любоваться рѣдкимъ зрѣлищемъ бѣгства громадной арміи. Они смотрѣли равнодушно. Нѣкоторые улыбались. Мы были смѣшны. Въ это холодное утро смѣялся надъ нами древній Мукденъ беззвучнымъ смѣхомъ своихъ вѣковъ. Сильный и могучій смотрѣлъ онъ на разбитую лавину войскъ, зналъ, что каждая капля въ этомъ потокѣ льется, страдая; видѣлъ, что каждое существо: лошадь, человѣкъ... изнемогаетъ.

Онъ видѣлъ, что эта громада безсильна.

Онъ зналъ, что пѣтъ силы, которая могла бы заставить измѣнить теченіе потока въ обратную сторону.

Онъ зналъ—и смѣялся тихимъ смѣхомъ своихъ вѣковъ. Въ это холодное утро каждый, кто могъ еще понимать, что встаетъ солнце—чувствовалъ смѣхъ жестокаго великана.

А солнце вставало съ каждой минутой все выше и выше, озаряя нашъ позоръ.—Его восходъ былъ также необходимъ, какъ наше бѣгство.

Обгоняя насъ—одни за другимъ шли на сѣверъ поѣзда, они были переполнены человѣческими тѣлами не только внутри: крыши, буфера, площадки, паровозъ—все, какъ тѣстомъ,—облѣплено сѣрою массою тѣлъ. Они стояли, лежали, висѣли...

Все бѣжало!

Вдоль полотна движутся разбитыя массы войскъ. Все перемѣнилось... Еле передвигая ноги, держа на плечѣ ружье, понутивъ головы, покорные, изнемогшіе шли люди—засыная на ходу, валились, вставали.

Кавалеристъ, потерявшій свою лошадь: пѣхотинецъ, отбившійся отъ части; артиллеристъ разбитой батареей; нестроевые бѣжавшихъ штабовъ и управленій—все шли рядомъ.

А въ колоннахъ отступающихъ по многимъ дорогамъ обозовъ творилось что то невообразимое. Движеніе то останавливалось, то пачиналась безумная скачка. Повозки частей перемѣнялись, разбились, разошлись по разнымъ дорогамъ.

И ничего пельзя было сдѣлать—пельзя было собрать ихъ.

Мнѣ измѣняли силы. Забывшись въ послѣднюю повозку обоза, я заснулъ. Разбудили. Какая-то повозка потеряла колесо, отстала. Пошелъ выручать.

Справа на пригорокъ вбѣжали черныя фигурки—и въ воздухъ зашипѣли пули: насъ обстрѣливала спѣшившаяся японская кавалерія.

Какіе-то сѣрые люди кинулись въ ровъ возлѣ дороги, стали отстрѣливаться. Гореточка казаковъ по гаюлановому полю понеслась на пригорокъ въ атаку, а обозы, испуганнымъ стадомъ, опрокидывая другъ друга, хлеща лоша-

дей, кинулись влѣво. И сразу поле усыялось опрокинутыми повозками, скинутыми грузами, лошадьми безъ всадниковъ, людьми, растерянно бредущими безъ дѣла.

Массы обозовъ столпились въ ложбинѣ. Ружейный огонь прекратился, но едва успѣли мы провезти послѣднія повозки на ту сторону ложбины—какъ начался артиллерійскій обстрѣлъ.

Безумное бѣгство обозовъ!!

Не разбирая дорогъ, по грядамъ гаоляновыхъ полей, выбивающіяся изъ силъ, нескормленные лошади, напуганные рвущимися снарядами и градомъ ударовъ хлыстовъ—подъ неистовые крики и свисты обозныхъ—мчали груженные возы. Ихъ путь прерывали запряженные шестерками: тяжелые зарядные ящики, громадныя возы понтонныхъ батальоновъ и хлѣбопекаренъ. Все мчалось въ разныхъ направленіяхъ, опрокидывая другъ друга. Люди сбрасывали съ возовъ все, что ни попадетъ подъ руку, чтобы облегчить ихъ.

Воцарился хаосъ.

На гребенѣ холма, мимо котораго мы проходили, выскочила наша батарея и открыла огонь по непріятелю. Обозы совсѣмъ растерялись.

Одни бѣжали отъ непріятельскихъ снарядовъ, другіе, испугавшись выстрѣловъ своей батареи, кинулись навстрѣчу, сшиблись... Паника! Рубить постромки, кидаютъ возы, лошадей, вещи, дерутся!

Артиллерійскій огонь длился недолго. Непріятельская батарея ушла, смолкъ огонь нашей, но паника не улеглась—и долго еще мчались впередъ, не разбирая дорогъ, разрозненные массы обозовъ.

А сзади бой разгорался. Видно поле, усыянное опрокинутыми возами, одиноко бредущими людьми, лошадьми, бѣгающими по волѣ. Вдоль полотна течетъ сѣрая масса разбитой арміи, а обозовъ сзади не видно. Бой разгорается.

Неужели мы отрѣзаны, армія окружена?!

Все равно! На сѣверъ!! Разбрелись повозки, не найти своихъ. Гдѣ они: впереди или сзади? Кто знаетъ! Знаю: семь есть, а гдѣ остальные—неизвѣстно. И людей нѣтъ.

Остановились кормить приставшихъ лошадей. Слѣзъ съ коня, сѣлъ на землю—потянуло лечъ: свалился—заснулъ.

Разбудили—надо двигаться дальше.

Да! А гдѣ же денежный ящикъ? Только теперь вспомнилъ! При немъ часовой, я поручилъ слѣдить за нимъ вѣрному человѣку—но гдѣ онъ теперь? Неужели пропадетъ?

Противно!

Судить, чего добраго, будутъ! Скажутъ: воспользовался, укралъ... Противно!

И какъ это я забылъ о немъ?

Вечеромъ, когда солнце сѣло, а темнота еще не сѣла дали — подошли къ оврагу. Воалѣ тѣсной дороги черезъ глубокий ровъ толпа обозовъ. Они толкали другъ друга, опрокидывали, ругались изъ за очереди, загромождали путь.

Простоявъ около часа, прорвались, перевезли свои семь повозокъ на ту сторону, зашли за деревню и остановились, свернувъ съ дороги, кормить лошадей. Онѣ выбились изъ силъ, какъ и люди. Ихъ кормили, а мы спали. Опять разбудили. Темно. Костры кругомъ пылаютъ, бѣгутъ толпы людей. Ревъ, трескъ и гулъ несущейся массы обозовъ. Кто то въ темнотѣ крикнуть „японская кавалеріа!“ и обезумѣвшіе люди начали стрѣлять, беспорядочно, куда попало... по своимъ!

Обозы хлынули въ черную пасть оврага, переполнили ее. Мы сѣбно собрались и пошли дальше на сѣверъ. Лошади съ трудомъ тащили повозки. Нельзя далеко отойти на такихъ лошадяхъ — необходимо скоро сдѣлать привалъ. Холодно. Меранемъ. Снова кругомъ во мракѣ тарахтятъ обозы.—Сзади, сбоковъ крики и ругань — кое гдѣ мерцаютъ точки костровъ. Идемъ невѣдомо куда... на сѣверъ, должно быть.

Дошли до желѣзнодорожнаго развѣзда; остановились у сторожки. Отпрыгли лошадей, дали кормъ. Кто то сказалъ, что можно достать чай въ сторожкѣ. Пошелъ туда. Въ досчатой пристройкѣ къ домику, открытой для всѣхъ вѣтровъ, груды тѣлъ—спящихъ, а можетъ быть и мертвыхъ.

Густой мракъ сторожки, нависшій надъ двумя огарками, приклеенными къ досчатому столу — полонъ тѣлами. Они лежатъ на нарахъ, подъ парами, завалили весь полъ, тѣсной кучей примостились къ печи, повисли на подоконникахъ,

залѣзали подъ столы. Какой-то пограничникъ кипятить чайникъ въ печуркѣ. Шагая по спящимъ, пробрались къ столу. Солдатъ далъ грязные стаканы, поставилъ жестяной чайникъ съ грязной жижицей вмѣсто чая, досталъ откуда-то засаленный кисеть съ сахаромъ. Мы стали жадно пить. Послали за оставшимися на морозѣ. Помню — одинъ товарищъ—самый старый врачъ нашего госпиталя, пробрался къ столу и протянулъ одеревенѣлыя отъ мороза руки къ чайнику. Онъ хотѣлъ что то сказать, но слова не выходили изъ горла, и неожиданно изъ устъ его вырвался жалкій, протяжный, дребезжащій вой.

Взглянули мы другъ на друга, увидѣли, что мы... почти не люди...

Свѣтало. Солнце опять взойдетъ! Надо двигаться впередъ. Вышелъ изъ караулки. Мимо разъѣзда гудящей волною проходить поѣздъ. Онъ весь живой. На крышѣ, на буферахъ, на площадкахъ—всюду силуэты людей. Не изъ человѣческихъ ли тѣлъ сдѣланы вагоны, паровозъ?!. Кто знаетъ — все возможно!! А! — тутъ за валомъ еще пять монхъ повозокъ! И денежный ящикъ здѣсь!! Значить не будутъ говорить, что укралъ!..

Пять повозокъ, да было семь — значить двѣнадцать, а всѣхъ... тридцать. Гдѣ же остальные?..

Не все ли равно... Надо двигаться впередъ... на сѣверъ... Холодно. Пыль поднимается. Медленно бредутъ ряды обозовъ, толкаются, мѣшаютъ другъ другу. Въ ложбинахъ, у переѣздовъ черезъ рѣки толкотня, ругань. Хлещутъ кнутами другъ друга изъ за очереди.

Остановились кормить лошадей. Пропалъ одинъ изъ врачей. Сопелъ съ повозки и пропалъ. Куда онъ дѣлся? Искали всюду—нѣтъ! Заѣхалъ на станцію: можетъ быть тамъ? Какая странная станція.—Окна разбиты, все внутри опрокинуто, на полахъ спящія тѣла, а на платформѣ—трупы. Это ихъ изъ поѣздовъ выкинули! Они здѣсь останутся: имъ отступать уже поздно.

Такъ шли до вечера. Когда стемнѣло — свернули съ дороги, отпрягли лошадей. Холодно. Забрался въ повозку. Заснулъ.

Говорятъ, всю ночь кричалъ, кричалъ... Все мнѣ колокола мерещились. Звонъ!! И я будилъ сосѣдей, спрашивалъ, гдѣ звонять? Не помню этой ночи.

Опять взошло солнце!!

Пошли дальше. По дорогѣ нагнали еще пять нашихъ повозокъ. А вотъ и Тьелинъ... Вотъ еще мои повозки... Потеряно только четыре!

И пропавшій врачъ здѣсь! Какъ онъ радъ! Кидается мнѣ на шею! Цѣлуетъ и плачетъ.

Бѣдняга! Онъ даже не зналъ — гдѣ провелъ вчерашній день и это утро. Они у него пропали. Кто то его подобралъ и привезъ. Счастливецъ! Для него въ эти дни одинъ разъ не всходило солнце!

Суeta на площади Тьелина. Какой-то госпиталь раскинулъ свои шатры посрединѣ площади и лихорадочно работаетъ. Сестры наши уѣзжаютъ съ поѣздомъ на сѣверъ. Провожаемъ ихъ на вокзалъ, какъ родныхъ...

Но какъ хочется ѣсть! Ъли мы вчера, или нѣтъ? Не помню.

Здѣсь и гостинница есть. Пошли. Хозяинъ въ черкескѣ кончаетъ свою торговлю, отпускаетъ послѣдніе обѣды, торопится. И пиво у него есть, и водка, и вино, и супъ, и холодные куски жесткаго мяса. Пообѣдали.

Приказано двигаться дальше. Тронулись. А тамъ, вдали еще дерутся! Нѣтъ нѣтъ и добѣжить волна далекаго артиллерійскаго выстрѣла. Неужели не устали еще лить кровь? И зачѣмъ... вѣдь рѣшено...

Опять дорога, холодъ и пыль. Медленно движемся въ толпѣ обозовъ. А—вотъ и знакомые идутъ рядомъ! Они потеряли почти весь свой обозъ и это кажется имъ неважнымъ.

Къ ночи свернули съ дороги для ночлега. Справа широкими увалами поднимаются горы и по ихъ хребтамъ тянутся золотыя нити огней.

Странно! Почему огни пересѣкаютъ горы такими правильными нитями? Можетъ быть это огнедышащія горы?? Красиво! Нѣтъ—это не вулканы:—просто окопы, вырытые для обороны, облили керосиномъ и сжигаютъ, какъ ненужные.

Зачѣмъ они теперь?! А сонъ такъ и клонить всѣхъ. Сва-
лились и заснули.

Такъ шли мы все дальше и дальше на сѣверъ. И по-
мѣръ того, какъ мы двигались, все глуше и глуше доноси-
лись до насъ звуки выстрѣловъ, все больше и больше воз-
вращалось къ намъ, разбитымъ и разрозненнымъ, сознаніе,
что мы не погибли, что мы живы, что мы... сильны уже
тѣмъ, что живемъ, имѣемъ прошлое и будущее.

Сонъ благодѣтельный, неудержимо охватывавшій насъ
днемъ, властно валившій во мракъ почей на мерзлую землю,
дарилъ намъ жизнь, заставляя работать тѣ уголки нашего
мозга, о которыхъ мы забыли.

Появился было (страшно сказать!)... стыдъ; но какъ онъ
былъ страненъ въ этомъ стихійномъ движеніи на сѣверъ!

Мы говорили другъ другу о позорѣ, но громадныя, без-
вольныя полчища бредущихъ въ одномъ направленіи лю-
дей, говорили о чемъ то большемъ...

Что то роковое нависло надъ нами.

Назвать *его*—значило дать имя той силѣ, что давила каж-
даго изъ насъ съ минуты рожденія.

Назвать *его* — значило указать, отчего мы не жаждали
славы, побѣдъ; отчего такъ печально умирали ряды нашихъ
братьевъ; отчего геній не осѣнилъ ни одного нашего начи-
нанія...

И стыдъ переходилъ въ равнодушіе, покрытое ржавчи-
ной ироніи...

Все медленнѣй и медленнѣй катился нашъ потокъ. Какъ
рѣка, свившаяся изъ водопадовъ и горныхъ ключей, бѣ-
шено мчавшаяся въ дикихъ ущельяхъ, еще мутная, несеть
свои воды по мирнымъ равнинамъ—такъ наши нестройныя
орды двигались по мирнымъ долинамъ спокойнаго Китая,
мутныя сознаніемъ отъ только-что пережитаго.

И когда муть прошлаго осѣла — мы стали замѣчать бе-
зуміе нашего бѣгства.

Куда мы мчимся? Когда же остановимся?! Или все уже
кончено?!

Начали справляться на станціяхъ: куда идти? Никто не
зналъ.

Въ лавинѣ отступающихъ обозовъ мы незамѣтно уклонились отъ полотна желѣзной дороги.

На горизонтѣ печальной равнины встала высокая башня города Каю-ань.

Движеніе повозокъ стало медленнѣе, спокойнѣе. Нѣкоторые обозы останавливались невѣдомыми приказаніями и возвращались назадъ.

Необходимо узнать—остановиться или двигаться дальше? Для этого мы поѣхали вдвоемъ на станцію Каю-ань.

Узнать дорогу было легко: всюду шли обозы.

Станція кишѣла народомъ. Мимо нея непрерывной вереницей тянулася знакомая перовная сѣрая полоса разбитой арміи.

Она до сихъ поръ еще не вернулась къ сознанію! Не замѣчая другъ друга, пыльные, съ опущенными лицами, безразличные ко всему—шли мимо толпы людей, садились здѣсь же, жуя сухари; толпились у колодцевъ, лежали въ полѣ на морозѣ...

По обѣимъ сторонамъ полотна были свалены груды камней для строившагося неподалеку моста. И между сѣрыми камнями, окруженные тѣснымъ, оцетинившимся штыками кольцомъ войскъ, лежали и сидѣли плѣнные японцы и хунхузы. Ихъ было много. Они тоже доведены до полного неможенія. Безпомощно прилипая къ камнямъ, къ землѣ—валялись они, и темные глаза бѣгали по чужой толпѣ и усталость не выжгла изъ нихъ неистовой ненависти, досады.

Какъ острые огни въ пыли—пылали эти глаза среди сѣрыхъ камней, среди холода обтекающей ихъ равнодушной, безвольной лавины.

Какъ странно видѣть этихъ побѣжденных побѣдителей, затравленныхъ, униженныхъ въ дни торжества!

Возлѣ станціи, въ досчатомъ холодномъ баракѣ сидѣлъ генераль. Онъ направлялъ движеніе частей арміи на сѣверъ. Въ компаніи было нѣсколько офицеровъ, присланныхъ сюда съ однимъ вопросомъ „куда идти?“

Генераль внимательно спрашивалъ названіе части, записывалъ на листѣ и искалъ въ своихъ бумагахъ указаній. Поиски были долги и безрезультатны. При мнѣ онъ сказалъ тремъ или четыремъ:

— „Не знаю. Приказаній нѣтъ. Двигайтесь дальше“.

На платформѣ станціи встрѣтили знакомыхъ.

— „Развѣ вы живы?“ спрашиваютъ.

— „Какъ видите!“

— „А у насъ говорили, что васъ всѣхъ подъ Мукденомъ перебили“.

Накормивъ лошадей, поѣхали обратно. Уѣзжая, мы условились, что наши расположатся бивуакомъ возлѣ городскихъ стѣнъ.

Вечерѣло. Крупною рысью, верхами, двигались мы по равнинѣ мимо частыхъ деревень, мимо хуторовъ, окруженныхъ крѣпостными стѣнами, мимо богатыхъ житницъ, еще не ограбленныхъ нашими.

Въ темныхъ деревняхъ и возлѣ нихъ зажигались костры, отъ нихъ несся шумъ еще не улегшагося движенія.

Крупною рысью по мерзлой землѣ синимъ морознымъ вечеромъ двигались мы и, когда западъ сталъ такъ же темень какъ востокъ,—подѣхали къ стѣнамъ города.

Высоки каменные стѣны. Ворота заперты. Темные конусы башенъ уходятъ въ темное небо.

Въ черномъ полѣ много костровъ. Подѣзжаемъ къ нимъ, спрашиваемъ:—не знаютъ ли гдѣ остановились наши?

Никто не знаетъ!

Ѣдемъ дальше.

Нѣжными перезвонами срываются съ башни куранты, китайскіе куранты, часы псевдомаго намъ времени.

Они отсчитываютъ его не для насъ—для неизвѣстнаго намъ народа; возвѣщаютъ ему смѣны чиселъ, жизни и поколѣній...

Мы только нѣсколько разъ услышимъ тихую мелодію этихъ курантовъ...

И они срываются съ темной башни и тихо плывутъ во мракъ, разорванный вражьими кострами, въ тишину ночи, наполненную шорохомъ движенія огромнаго чудовища, проползающаго мимо, изнемогающаго отъ ранъ, истекающаго кровью... побѣжденнаго...

Плотно заперты ворота города. Онъ спитъ, онъ молчитъ и отвѣчаетъ на необычный шумъ ночи только тихими переливами курантовъ.

Вдемъ вдоль стѣнъ, окруженныхъ глубокими крѣпостными рвами. Они заплыли отъ времени и похожи теперь на овраги. Мы спускаемся по дорожкамъ внизъ, взбираемся на другую сторону. Тропинки всюду пересѣкли глубокіе рвы, онѣ проплетаны мирными людьми.

Крѣпость отжила свое время—рвы заросли. Борьба здѣсь не нужна.

Здѣсь мирное царство и непонятны дальніе раскаты боя.

А бой идетъ гдѣ то тамъ далеко-далеко. Изрѣдка доходить слабый гулъ далекихъ выстрѣловъ.

Пристали лошади и мы еле держимся на сѣдлахъ отъ усталости и холода.

Не найти нашихъ: ужъ два раза объѣхали вокругъ города.

Остановимся!

Вотъ нѣсколько фанзъ у городскихъ стѣнъ. Во дворахъ видны костры и обозы. — Войдемъ вотъ въ этотъ дворъ у самыхъ стѣнъ и заночуемъ.

Слѣзали съ лошадей. Во дворѣ горятъ костры.

Спутникъ ушелъ искать мѣсто для ночлега, а я подошелъ къ крайнему костру—погрѣться. Холодно было, руки и ноги заковенѣли. Какъ пріятно протянуть къ золотому костру замерзшія руки!

Костеръ облѣпили люди—лежать и грѣются. Всѣ спятъ. Двое только разговариваютъ:

— „Ну, а Мironычъ?“

— „Тожe, должно, убить...“

— „А Матвѣй Савичъ?“

— „Да, тожe, должно...“

— „А много всего?“

— „Да почти что всѣ...“

Смолкли. А я грѣлъ свои руки у золотого костра и тепло ласковыми волнами входило въ меня.

— „И скажи ты мнѣ... зачѣмъ?..“ скорбно спросилъ тотъ же голосъ.

— „Спи-ка ты...“

И разговоръ копчился.

— *Зачѣмъ?..*

И посмотрѣлъ навѣрхъ.

Надъ нашимъ тихимъ костромъ, почти упираясь въ него ногами, высилось громадное изваяніе Великаго Будды. Высѣченное изъ сѣраго камня оно величаво поднималось до вершинъ городскихъ стѣнъ.

Спокойно положивъ руки на каменные колѣни, глядя въ ночь чистыми холодными глазами, не омраченными ни единой морщиною, сидѣлъ освобожденный отъ страданій великій, несравненный Будда.

А пламя нашего золотого костра колыбалось у ногъ его, вспышками сгоняя мракъ съ его каменнаго тѣла. Пламя мигало, дрожало, ничтожное. И въ бѣглыхъ огняхъ его, казалось, склоняется, киваетъ намъ Великій Будда.

Онъ видѣлъ... Онъ слышалъ. Скорбный вопросъ... „*Зачѣмъ?*..“ долетѣлъ до его вѣщаго слуха... Онъ спокойно кивалъ изъ мрака въ миганьи золотого костра.

Эта каменная громада была такъ чужда мнѣ въ ту минуту... Ея спокойствіе и тишина чужимъ, холоднымъ мракомъ вѣяли на мою подавленную волю... и только теперь, издалека, отдѣленный отъ нея сотнями дней и верстъ — я такъ понимаю, такъ чувствую ея холодное величіе, непобѣдимый покой *Великаго Лица*.

Меня позвали. Дворъ, въ которомъ мы остановились, оказался китайской харчевней. Въ фанзѣ было темно и дымно. Въ первой половинѣ на канахъ лежало много народа — все китайцы. Изъ мрака выступали блѣдные огоньки курильщиковъ опиума. Во второй половинѣ помѣстилось нѣсколько офицеровъ арбаного транспорта, новозки котораго мы видѣли во дворѣ.

Они еще не спали. Пили водку. Робко говорили о будущемъ; потеряли почти весь обозъ.

Погонщики китайцы измѣнили и отстали во время отступленія.

Хозяева гостепріимно напоили насъ чаемъ, накормили консервами, дали мѣсто на канахъ.

Еле забрезжило разсвѣтъ, какъ насъ разбудили. Въ комнатѣ былъ переполохъ. Ночью бѣжали остальные китайцы, оставивъ возы съ кладями, увести лошадей.

Скоро нашли своихъ. Они ночевали въ стѣнахъ города. Находолались, ночуя въ полѣ и рѣшили отогрѣться, остановиться въ городѣ, переночевать, наконецъ, въ теплѣ.

Они сварили обѣдъ и жадно ѣли горячій супъ, чтобы идти дальше, какъ только мы вернемся. И когда солнце поднялось надъ горизонтомъ, мы двинулись по извилистымъ, узкимъ улицамъ города къ выходу.

Насъ провожала праздная, глазѣющая толпа. Направо и налево тянулись ряды магазиновъ, торгующихъ своими, японскими и американскими товарами. Мы знали, что въ этихъ магазинахъ нѣтъ ничего русскаго — развѣ найдется бутылка водки или поддѣльнаго удѣльнаго вина.

Мы уходили, не оставляя ничего своего въ этомъ городѣ—совершенно чужіе и онъ съ любопытствомъ глядѣлъ на насъ.

Когда подходили къ городскимъ воротамъ, навстрѣчу, подъ дребезжащія звуки длинныхъ трубъ, рѣзко звучащихъ въ холодномъ воздухѣ утра, двигалась толпа китайскихъ войскъ.

Они быстро шли намъ навстрѣчу, смѣясь и болтая. Мы остановились, чтобы пропустить ихъ. Какой-то солдатъ, ломанымъ русскимъ языкомъ крикнулъ мнѣ:

— „А! Капитанъ! Шибко знакомъ!“ и засмѣялся...

Мы выѣхали черезъ старыя ворота на площадку передъ городомъ. Яркое свѣтило солнце. На песокъ валялось голое тѣло только что казненнаго хунхуза.

Солнце щедро лило свои лучи и яркимъ бѣлымъ пятномъ выдѣлялось на сѣромъ фонѣ песка красивое бѣлое тѣло, черная каемка длинной косы вилась рядомъ съ красною струйкою крови.

Равнодушно проѣхали мы. Въ это морозное утро не удивила насъ полоска чужой крови: мы видѣли рѣки родной!..

По пологому скату спустились къ рѣкѣ и повернули по дорогѣ на сѣверъ.

Верхи стѣнъ Каю-анъ были черные, живые, какъ и въ Мукденѣ. — Городъ высыпалъ на стѣны и смотрѣлъ, какъ мимо него по равнинѣ текли на сѣверъ нестройныя толпы войскъ и обозовъ.

Огибая песчаный курганъ, мы встрѣтились со старыми друзьями—такимъ же госпиталемъ, какъ и нашъ.

Онъ шелъ также на сѣверъ, но настроеніе его было еще болѣе подавленное, чѣмъ наше. Изъ боя они вывели почти все, пропало 2—3 повозки и въ томъ числѣ съ денежнымъ ящикомъ. Куда онъ пропалъ—неизвѣстно!

И это мучило теперь всѣхъ и всѣмъ было непонятно, какъ они могли забыть объ денежномъ ящикѣ среди ужаса поваральнаго бѣгства.

Мы скоро добрались до желѣзной дороги и пошли рядомъ съ полотномъ.

Въ одинъ изъ дней бѣгства, обгоняя насъ, быстро и легко промчался знакомый роскошный поѣздъ съ пульмановскими вагонами.

И едва онъ скрылся вдали, какъ отъ повозки къ повозкѣ пошла молва:

— „Главкомандующій проѣхалъ!“

Было что-то обидно горькое въ этомъ быстромъ поѣздѣ, несшемъ мимо разбитыхъ войскъ, уносившемъ на сѣверъ главу арміи.

Кто же теперь будетъ?—Не все ли равно! Война проиграна безповоротно.

А мы шли, шли...

Вставало солнце, при первыхъ его лучахъ запрягали усталыхъ лошадей и вытягивались длинной вереницей по дорогѣ.

Останавливались на ночлеги то въ полѣ, то въ деревняхъ.

Помню разъ ночевали въ деревенской школѣ. По ея стѣнамъ были развѣшаны таблицы китайской азбуки и карты, изданныя въ Англіи.

Передъ школой, привязанные къ бревнамъ, сидѣли два могучихъ орла. Они пугались насъ, рвались вверхъ при нашемъ приближеніи, жестоко били крылья о стѣны фанзы, а въ свободную отъ страха минуты разрывали острыми клювами зловонную массу падали, брошенную имъ китайцами.

Помню какъ-то мы остановились на отдыхъ и ночлегъ въ хуторѣ зажиточнаго рода. Богатыя, прочныя постройки

обнесены высокими стѣнами, охраняющими отъ вторженія хунхузовъ. Женщинъ въ хуторѣ не было — онѣ бѣжали. Остались мужчины.

Они жили въ древней фанатѣ, наполненной старинною утварью, украшенной дорогими дверями, божницами, старыми, блѣдными отъ времени картинами.

Старикъ хозяинъ, имѣвшій около 70 лѣтъ, и тѣмъ пріобрѣвшій право носить бороду, — говорилъ намъ на китайско-русскомъ жаргонѣ о томъ, какъ онъ счастливъ, какъ хорошо идетъ его хозяйство.

Хвастаясь своими достатками, онъ повелъ насъ въ кладовую и показалъ, что каждый изъ членовъ его семьи уже имѣетъ готовый и роскошный гробъ.

Въ полу-темной кладовой дѣйствительно стояли громадныя китайскіе саркофаги изъ толстыхъ пластинъ, окрашенныя въ красный цвѣтъ, расцвѣченные мелкимъ орнаментомъ.

Ихъ было семь — и хозяинъ съ гордостью считалъ ихъ.

Возлѣ стѣны кладовой стоялъ солдатъ моего госпиталя.

Онъ стоялъ совершенно голый на морозѣ и яростно вытряхивалъ свою одежду, кишашую вшами.

IX.

Гунчжулинъ.

Утромъ 7 Марта мы подошли къ Гунчжулину. Насъ сейчасъ же помѣстили въ землянкахъ, похожихъ на мукденскія могилы, и приказали начать работу.

Снова забился по вѣтру нашъ флагъ, снова на носилкахъ начали носить къ намъ искалѣченныхъ и больныхъ людей.

Черезъ нѣсколько дней освободились казармы пограничниковъ на сѣверномъ краѣ Гунчжулина и намъ предложили принять ихъ.

Вяло принялись мы за работу.

Безуміе прошлаго, его кровавость тяжелымъ кошмаромъ давили наши души. Не было силъ подняться: Не на что опереться! И подчиняясь теченію времени, отдаваясь жизни, шедшей помимо нашей воли, покорные и скучные, говоря другъ другу о томъ, какъ мы измучены—мы вяло взялись за работу.

Скучная весна, наступившая послѣ бесплѣжной зимы, медленно освобождала замерзшую землю отъ холода, поднимала надъ нами купы облаковъ, они плыли днемъ—бѣлая, вечеромъ—озаренныя пурпуромъ зорь.

Ночью, когда на черномъ небѣ мигали звѣзды, на югѣ блуждалъ острый лучъ прожектора, ища врага.

Но врагъ былъ далеко: мы уже не слышали раскатовъ артиллерійскаго огня.

Тишина стояла, а мимо насъ, по желѣзной дорогѣ, идя въ другимъ шли побѣда къ передовымъ позиціямъ, подвозя здоровыя, сильныя тѣла.

Жестокая рука чудовища вливала новую, свѣжую кровь, вмѣсто вытекшей, запекшейся; ставила новыхъ, здоровыхъ людей на мѣста тѣхъ, что гниютъ въ мукденскихъ могилахъ, корчатся въ мукахъ по госпиталямъ тыла.

Она работала каждый день!

И каждый день къ намъ приносили страдающихъ людей. Мы помогали имъ и отправляли на сѣверъ недужныхъ: гнали назадъ, на родину темную, испорченную, венозную кровь.

И въ чередованіи волнъ алой крови, текущей къ югу, съ волнами темной, гонимой нами на сѣверъ — чувствовалась пульсація громаднаго тѣла, которое, быть можетъ, завтра снова истечетъ кровью.

Съ этой пульсаціей сливалось мѣрное движеніе буденъ, гнетущихъ, подневольныхъ—онѣ медленно шли въ даль, ихъ длинная цѣпь должна оборваться новымъ потокомъ крови...

У насъ были будни, печаль, тишина, а тамъ, на далекой родинѣ, за таинственнымъ Байкаломъ—поднималась другая волна—могучая, бодрая волна крови, закипѣвшей въ жилахъ родного народа.

При мысли о ней волновалась бурно и сильно наша кровь и, зная, что тамъ побѣда, что тамъ легко и свѣтло умереть—мы изнемогали отъ сознанія, какъ жестока и бессмысленна предстоящая намъ смерть...

Весна переплыла въ лѣто.

Потянулись лѣтнія будни, то жаркія, то задернутыя мелкимъ ливнемъ періодическихъ дождей.

Ожили тихія поля. Могучія нивы гаоляна съ каждымъ днемъ все выше и выше вздымали свои тучныя верхушки. Тяжелыми гроздьями свѣснились плодоносные колосья чумизы.

Буйно росла трава; ликовали растенія!

А мы, не сѣявшіе нашихъ посѣвовъ, не радовавшіеся никакимъ всходамъ—были разобиты невылазною грязью.

Выбиваясь изъ силъ, тащили мы по ней свои клады, топя лошадей и повозки въ разлившихся ручьяхъ, размытыхъ ложбинахъ.

Съ любопытствомъ, не смѣя вѣрить въ успѣхъ, слѣдили мы за печальнымъ ходомъ нашего флота.

Смутною волною, шопотами пестрыми дошли до насъ первыя извѣстія о Цусимѣ.

Оправдалось!.. И тамъ смерть!..

Мы видѣли ее здѣсь—на твердой землѣ.—Теперь смерть въ соленомъ Океанѣ!

И также жадно, также спокойно и холодно, взяла она тамъ свою безславную жертву!

Повѣяло концомъ войны, а будни шли. Попрежнему катились мимо насъ поѣзда, неся тысячи жизней впередъ; по прежнему ежедневно отправляли мы на сѣверъ больныя человѣческія тѣла.

И не было, не было конца!

Въ атмосферѣ этихъ печальныхъ дней пышно разцвѣли знакомые цвѣты, взлелѣянные на родной нивѣ.

Началась бумажная война, игра въ солдатики. Посыпались тучи циркуляровъ, запросовъ, всевозможныхъ наставленій. Мои полуграмотные писаря ожесточенно писали съ ранняго утра до глубокой ночи. Не хватало времени на насущное дѣло—надо было „отписываться“.

Начались начальственные объѣзды, смотры и разnosы. Къ нимъ готовились съ такими же ухищреніями и опереточными мошенничествами, какъ и на родинѣ. Пріѣзжали наши родные генералы, и, какъ ни въ чемъ не бывало—попрежнему наивно учили докторовъ дѣлать операціи, хлѣбопековъ мѣсить тѣсто, кашеваровъ варить супъ.

Неотданная зазѣвавшимся солдатикомъ „честь“; какой нибудь незамѣтный въ обиходѣ пустякъ, вызывали бурю.

Они ѣздили, чтобы дѣлать „указанія“ и наполняли своими глубокомысленными замѣчаніями длинные листы приказовъ, — служащихъ оправдательными документами ихъ дѣятельности.

Произносились „для подъема“ рѣчи. И даже въ этомъ

праздномъ краспорѣчій не прозвучала ни единая нотка истиннаго подъема и таланта!

Безсмыслица нашего положенія наложила тусклую печать бездарности и покорности на все...

А какъ блестяще шла въ эти дни кампанія полученія орденовъ за подвиги!..

Тихо поднимались шопоты о мирѣ. Съ каждымъ днемъ они принимали все болѣе и болѣе сильный, утвердительный характеръ.

Проведя день за работой—мы часто уѣзжали вечеромъ въ даль, къ синѣющимъ сопкамъ, блуждали между высокими стѣпами шумящаго гаоляна, спускались къ рѣчкамъ, вьющимся въ ложбинахъ; крупною рысью мчались по торнымъ дорогамъ, усаженнымъ деревьями; останавливались у тихихъ могилъ, дремлющихъ въ рощицахъ, проѣзжали мимо старыхъ хуторовъ и поселковъ, разоренныхъ, разрушенныхъ нашимъ близкимъ сосѣдствомъ.

Сторонясь отъ насъ, пряча жемчужныя и сокровища—тихо вель сѣдой Китай свою серьезную, жестокою жизнью, хмурымъ взглядомъ на насъ косыми глазами.

Мы заходили въ его храмы, слышали его молитвенные призывы, удары старыхъ колоколовъ и литавръ, видѣли спокойную фигуру Будды подъ лазурнымъ пологомъ, украшеннымъ золотыми звѣздами—и все это было такъ понятно адѣсь, на этой равнинѣ, у этихъ сопкокъ, подъ этимъ спокойнымъ небомъ, близъ мирныхъ селеній и хуторовъ древнихъ земледѣльцевъ.

Эти города, деревни и пивы были такъ прочно прикрѣплены къ этой землѣ, а онъ, великій Учитель, освобожденный отъ страданій, холодный, великій и безрадостный проповѣдникъ Нирваны—такъ мощно упирался ногами своими о твердую землю Востока.

Мы возвращались домой, любясь пышными, чарующими закатами, пурпурными гирляндами облаковъ, озаренныхъ ушедшимъ солнцемъ.

За нами—въ снѣгѣ густого мрака, зажигались огни хуторовъ и кумирецъ, костры нашихъ войскъ, разбросанныхъ по равнинамъ.

Костры горѣли яркими, золотыми факелами; лизали жгучими языками мракъ; кидали въ него снопы искръ—рѣзали глаза своимъ безпокойнымъ блескомъ.

И какъ мягко, какъ спокойно разступалась мгла передъ большими четырехугольными полотнами оконъ китайскихъ фанзъ. Вумажная, матовая пелена, ровно освѣщенная огнемъ внутреннихъ свѣтильниковъ—была такъ близка и понятна *этой* тьмѣ.

А если вечеромъ не удавалось уѣхать къ далекимъ сопкамъ -- сидѣлъ я въ своей душной комнатѣ, смотрѣлъ на набѣгающую съ востока мгlistую волну мрака и думалъ о далекой родинѣ.

* * *

Тихое, ровное, мертвое небо, печальное небо Востока!

Сжигая заревами западъ, ушло отъ тебя солнце и ты темнѣешь, меркнешь.

Синій сумракъ поглотить твои краски, пепломъ звѣздъ подернется твоя темнѣющая твердь.

Глубже станетъ мракъ—и ярче заблещутъ звѣзды... какъ воспоминанья.

Жди своего часа до предразсвѣтнаго холода. Далекій свѣтъ пробудитъ твои темныя, сонныя дали и неумолимое, какъ жизнь солнце, сжигая туманы, врѣжется въ тебя пламеннымъ шаромъ.

Люблю я вечернее небо, печальное небо Востока, въ эти тихія минуты, когда ушло уже солнце, когда жизнь притаилась, а оно, могучее, безучастное глядитъ на меня своею огромною степью,—глядитъ безъ глазъ, не моргая, какъ ужасъ...

* * *

Медленно тянулись переговоры о мирѣ. Жадно ожидали мы ихъ окончанія. Въ передовыхъ линіяхъ шли мелкія стычки. Изрѣдка приносили раненыхъ, но большинство, попадавшихъ въ госпиталь были несчастные, надъ которыми жестоко и бессмысленно посмѣялся случай.

То пьяный офицеръ свалится съ поѣзда и ему отрѣжетъ ноги; то спившійся отъ тоски казакъ; то дипломатъ, зара-

жившійся черной оспой; то денщикъ, раненный своимъ властелиномъ; то часовой, подстрѣленный хунхузомъ, довѣрчиво дремавшій у ненужнаго уже окопа; то солдатикъ, съ разбитымъ китайцами за кражу овощей черепомъ, или умирающій хунхузъ, приговоренный къ разстрѣлу.

Много ихъ было!.. И чѣмъ дольше лился потокъ буденъ, тѣмъ больше и больше прибывало къ намъ этихъ несчастныхъ.

А жизнь становилась съ каждымъ днемъ душнѣе и въ этомъ спертomъ ужасѣ съ каждымъ днемъ расцвѣтали дурманные пѣты произвола, насилія, самодурства и хищничества. День ото дня они взвивались все краше и краше!

Миръ былъ необходимъ,—объ этомъ говорили: и подавленная воля арміи, и неурядицы, царящія въ ней, и безтолковщина, которая царствовала во всѣхъ приказаніяхъ.

И что теперь возможно сдѣлать?!

Все было проиграно.

Каждый день вставали рано, садились въ тѣни сарая у пустой бочки отъ сахара и ждали посланнаго за газетой. Увидѣвъ его, спѣшили навстрѣчу, жадно хватали газету, читали вслухъ...

Но вѣсти о мирѣ шли медленно...

А другая волна, торжественная и юная все выше и выше поднималась изъ пѣдръ народа. Манила она насъ къ себѣ своимъ свѣтлымъ шумомъ веселаго прибоя, свѣжею силою. И такъ хотѣлось прильнуть къ ея лазурной выси нашимъ усталымъ душамъ.

Наконецъ—миръ заключили...

Какая радость! Волны пронесшейся мимо насъ алой крови, не прольются!

Останутся! Послужать родинѣ!

Длинными педѣлями тянулось время до ратификаціи. Мы стояли недвижно, словно ничего не измѣнилось.

Получались попрежнему груды запросовъ и распоряженій, въ нихъ кое гдѣ упоминалось о переходѣ на мирное положеніе, о возвращеніи на родину—но это казалось далекимъ, несбыточнымъ.

Мы понимали, что невозможно скоро перевезти по узкой

полосѣ желѣзной дороги массы войскъ, раскинутыхъ въ Маньчжуріи.

Когда-то придетъ наша очередь?! А мимо насъ не переставали проходить поѣзда, полные новыхъ силъ.

И началось безмысленное маханіе кулаками по воздуху. Старые генералы, показавшіе свои силы подъ Мукдепомъ, начали бить себя „въ перси“ и, разсѣкая воздухъ кулаками, требовали немедленнаго возстановленія кровью поруганной чести родины и арміи. Они жаждали боя рѣшительнаго и жестокаго „во что бы-то ни стало!“

Многіе, пораженные позоромъ, до котораго дошла родная страна, искренно увлеклись проповѣдью запоздалаго отмщенія и пламенно хотѣли увлечь армію въ позоръ новыхъ пораженій.

Ратификація состоялась.

Волна, поднявшаяся на родинѣ, взвилась съ новою силой. Все опрокидывая, все заливая, она ширилась, росла и гордо несла на гребнѣ своемъ свободу новой жизни.

Какъ мечтали мы въ тишинѣ вечеровъ наступившей осени о возрожденіи!

И какъ мучительна была эта бездѣятельность, размѣренное чередованіе буденъ! Ихъ столько прошло — и сколько пройдетъ еще до той минуты, когда поѣздъ, невѣдомый, но милый поѣздъ, идущій на сѣверъ, повезетъ насъ къ роднымъ мѣстамъ!

Армія двинулась на зимнія квартиры. Черными полосами по ложбинамъ, по паторнымъ дорогамъ проходила она мимо, отдавая намъ своихъ больныхъ и случайно искалѣченныхъ людей. Она двигалась тихо, спокойно, въ порядкѣ.

Неожиданно движеніе поѣздовъ остановилось. Узкая полоска рельсъ, связывающая насъ съ далекою родиной, затихла.

Телеграфныя проволоки, не пережатныя огненными словами о нашихъ смертяхъ и пораженіяхъ, безмолвно повисли въ воздухѣ.

Могучая волна народнаго гнѣва, рожденная нашими печальми и пораженіями, опрокинула все—и мы осиротѣли.

Не понимая—догадывались, радовались, ужасались...

И чудовищныя сплетни расцвѣли какъ злые цвѣты, пугали насъ своею кровавостью, жестокостью; манили своею тайной; радовали вихремъ могучаго расцвѣта силъ.

И всею мы вѣрили!.. Такъ необходимо было вѣрить!

Тщетно каждый день посылали мы къ вагону „Вѣстника Маньчжурскихъ армій“—типографія не работала, телеграфъ не приносилъ никакихъ вѣстей и мы жадно упивались радостями и горестями быстро растущихъ и мѣняющихся сплетенъ.

20 октября вечеромъ — весь въ грязи, прибѣжалъ къ намъ солдатикъ и принесъ мокрый, тонкій листъ газеты.

Мы осторожно развернули его, чтобы не разорвать; бережно разгладили на столѣ и прочли манифестъ 17 октября.

Какое счастье! Дожили!!..

Какъ блестяли глаза! Какъ весело провели мы этотъ вечеръ—единственный въ угрюмомъ рядѣ!.. Словно и мы были борцами за счастье родной земли!

И слова одинокихъ скептиковъ, говорившихъ за ужипомъ о новой ловушкѣ, были возмутительны. Дружнымъ хоромъ, захлебываясь отъ счастья, мы опровергали ихъ.

— „Нѣтъ—это не ложь! Развѣ мы мало страдали?!..“

Х.

Возвращеніе.

Воспользовавшись правомъ отпуску, я подалъ рапортъ и на второй день послѣ открытія движенія, прерваннаго великой забастовкой, получилъ разрѣшеніе вернуться въ Россію.

Печаленъ былъ кругъ людей, провожавшихъ меня на вокзалъ.

Мнѣ чувствовалъ, что мы расстаемся навѣки, что никто не захочетъ вспоминать тяжелыя, позорныя страницы жизни. Каждый постарается забыть этотъ кошмарный годъ. Издали онъ будетъ казаться еще ужаснѣе, а ѣдкая печаль его, какъ острый шипъ, будетъ расти въ душѣ годъ отъ года...

Печаленъ былъ кругъ людей, провожавшихъ меня на вокзалъ.—Они грустно глядѣли на поѣздъ, увозившій меня. Въ ихъ глазахъ вставала печаль разлуки и страстное желаніе уѣхать со мною поскорѣе отъ этой равнины, домой, сбросить постылыя мундиры, отогрѣться въ теплѣ семьи и новой жизни, забыть...

Печаленъ былъ этотъ кругъ. У многихъ на глазахъ стояли слезы, вызванныя тяжелыми печальми.

Мы крѣпко обнялись.

И въ темноту осенней ночи, въ ту сторону, куда такъ жадно глядѣли наши глаза, когда мы думали о родинѣ—плавно и медленно двинулся мой поѣздъ.

Вотъ и Харбинъ. Здѣсь уже чувствуется дыханіе новой

жизни. Бодро и весело движется толпа, собирается на площади группами, читаетъ воззванія, газеты.

Скоро замреть жизнь огромнаго города. Сѣрая масса разсѣется, притоны опустѣютъ, музыка смолкнетъ. Чиновная толпа, населяющая городъ, разбредется. Отравленные болѣзнями госпитальныя города сожгутъ: весело запылаютъ они! Смолкнетъ Харбинъ.

Только кладбища останутся безмолвными свидѣтелями перенесеннаго здѣсь страданія.

Вотъ снова унылый сѣверъ Китая, длинныя ущелья, пологіе безлѣсные холмы дикаго Хингана.

Желѣзнодорожныя служащіе провожаютъ своего представителя на стѣздѣ по дѣламъ забастовки въ Иркутскъ. Провожаютъ его такъ весело, кричать ему: „Да здравствуетъ свобода!“

И онъ говоритъ имъ съ площадки вагона красивую, сильную рѣчь, дышащую вѣрой въ побѣду труда.

Какъ весенній шумъ звучитъ она въ нашихъ ушахъ; такъ необычно слышать ее изъ устъ человѣка въ форменной фуражкѣ, такъ сладко сознавать, что настало время побѣды!

Значитъ и для насъ возможны побѣды?!

И грудь начинаетъ сильнѣе дышать, и мы ѣдемъ бодрѣе по печальной равнинѣ сѣвернаго Китая.

Вотъ и граница Россіи. Китайцы скоро исчезнутъ. Да—они попадаютъ все рѣже и рѣже.

Исчезли.

Потянулись дикія, пустыя поля Забайкалья. Холодный снѣгъ лежитъ ровной бѣлой пеленою; не видно дорогъ.

Плоскія лица бурятъ тоскливо смотрятъ на насъ. Какому міру принадлежатъ ихъ души? тому ли, отъ котораго мы уходимъ или нашему? Не видно, ничего не видно на ихъ плоскихъ лицахъ!

Знаютъ ли они, что тутъ недалеко священныя могилы декабристовъ?.. Знаютъ ли они о веснѣ свободы?..

Безмолвны ихъ лица, какъ степи ихъ родины.

Не видно дорогъ—бѣлою пеленою лежитъ снѣгъ.

Вотъ и Священное море!

Ускою лентою, скользя изъ туннеля въ туннель, сквозь выдвинутыя отвѣсныя скалы, нависшія надъ прозрачными глубинами—по самому краю обрывовъ движется поѣздъ.

И Священное море холодное, дикое, свободное — сіяетъ теперь на солнцѣ голубыми волнами ласковыми, словно волны далекаго, теплаго моря!

Вотъ и Иркутскъ. Оживленныя толпы народа стекаются на митингъ. На улицахъ выставлены фотографіи послѣднихъ жертвъ произвола, послѣднихъ мучениковъ за свободу.

Вотъ скорый поѣздъ. Онъ быстро понесетъ меня къ Москвѣ. И я гляжу на темнѣющій, далекій и чуждый востокъ и вспоминаю Великаго Будду, что глядѣлъ на меня, качаясь въ бѣглыхъ огняхъ костровъ у стѣнъ Каю-анъ.

Я вспоминаю его лицо, изваянное изъ твердаго камня. Глубокое, какъ воды Байкала, спокойствіе застыло на немъ.

Онъ смотритъ на меня теперь изъ мрака воспоминаній, качается въ нихъ великій и грозный, какъ чуждая стихія.

И вокругъ его образа въ воспоминаніи встаютъ очертанія далекихъ Мукденскихъ стѣнъ, могилъ; тихіе огоньки, качающіеся во мракъ подъ глубокими карнизами и безчисленная толпа народа, скованная тяжкими цѣпями, выкованными тысячелѣтіями рабства.

И я гляжу на западъ — туда, гдѣ только что рухнуло рабство. — И сердце бьется, и кулаки сжимаются, и душу раскалываетъ жестокая молнія ненависти къ чудовищу, замучившему душу родного народа!

А кругомъ мелькали веселыя станціи, шумящія, говорливыя волны народа.

Надъ родною землею поднималась заря! Поѣздъ плавно мчалъ меня къ Москвѣ.

